

НЕБЬЮЛА

ХЬЮГО

ЛОКУС

МЭРИ РОБИНЕТТ
КОВАЛЬ

ВЫЧИСЛЯЯ ЗВЕЗДЫ

fanzon

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Мэри Коваль

Вычисляя звезды

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Коваль М. Р.

Вычисляя звезды / М. Р. Коваль — «Эксмо», 2018 — (Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-190998-7

Научно-фантастический роман, открывающий трилогию «Леди-астронавт». Лауреат премий «Небьюла», «Сайдвайз», «Хьюго», «Локус» и премии Жюли Верланже 2021. Финалист «Хьюго» в номинации «Лучший книжный цикл». Входит в список бестселлеров Locus, книга года по версии Publishers Weekly, победитель RUSA Reading List for Science Fiction американской библиотечной ассоциации. Холодной весенней ночью 1952 года в результате падения огромного метеорита была уничтожена большая часть Восточного побережья США, включая Вашингтон. Последующий климатический кризис и экологическая катастрофа в ближайшем будущем сделают планету непригодной для обитания, как однажды это произошло в эпоху динозавров. Надвигающаяся угроза требует радикального ускорения космической программы в надежде на миграцию и колонизацию космоса. Опыт Элмы Йорк как летчицы и математика из женской службы пилотов ВВС позволяет ей принять участие в проекте по высадке человека на Луну в качестве вычислительницы. Но Элма не сразу понимает, почему большое количество участвующих в программе опытных и квалифицированных женщин-пилотов не могут полететь в космос. Стремление Элмы стать первой леди-астронавтом настолько сильно, что внутренние демоны, психологические травмы прошлого и даже самые устоявшиеся стереотипы общества не имеют против нее шансов. «Это то, чего никогда не было у НАСА – героини с характером». – Wall Street Journal «В своем романе Мэри Робинетт Коваль создает альтернативную историю с космическими полетами, которая напоминает мне все, что я люблю...» – Кэди Коулман, астронавт «Действие цикла “Леди-астронавт”, может, и происходит в прошлом, но такие актуальные научно-фантастические романы многое говорят о настоящем». – The Verge «Читатели будут в восторге от истории этой “леди-астронавта”». – Publishers Weekly «Прекрасный баланс между исторической точностью, включая сексизм,

расизм, уровень развития технологий середины двадцатого века, и вдумчивым повествованием». – Booklist «Книга Коваль стала для меня откровением, потому что перед нами та версия истории, в которой мужчины, наконец-то, прислушиваются к женщинам». – Tor.com «Если вам нравятся: женщины-ученые и женщины-астронавты, космическая наука, романтика, историческая борьба за равноправие, если вы читали или смотрели “Скрытые фигуры” и вам понравилось, если вы смотрели документальный фильм “Меркурий 13” (о реальных женщинах, которые прошли секретные испытания, чтобы стать астронавтами в 60-х годах), то, пожалуйста, не пропустите эту книгу». – Kirkus «Читатели будут пойманы на крючок». – Library Journal «Коваль создала историю о том, как мы сможем построить лучшее будущее». – Escapist Magazine «Это книга о стойкости, о силе перед лицом несправедливости, о сопротивлении как флаге против политики угнетения. Некоторые части этой книги заставили меня плакать. От ярости, от неповиновения, от поддержки и от триумфа». – Utopia State of Mind

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-190998-7

© Коваль М. Р., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	13
3	17
4	27
5	33
6	40
7	47
8	52
9	59
Часть вторая	65
10	65
11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Мэри Робинетт Коваль

Вычисляя звезды

*Моей племяннице Эмили Харрисон, принадлежащей к поколению
людей Марса*

Mary Robinette Kowal
THE CALCULATING STARS
Copyright © 2018 by Mary Robinette Kowal
Fanzon Publishers An imprint of Eksmo Publishing House

© А. Жаворонков, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Нет, мы уйдем. Король погиб, должно быть.
Засохли все лавровые деревья,
Грозя созвездьям, блещут метеоры,
А бледный месяц стал багрян, как кровь;
Зловещие блуждают ясновидцы
И страшные пророчат перемены;
Богатые мрачны, а чернь ликует:
Одни за выгоды свои боятся,
Другие от войны себе ждут выгод.
А знаменья такие предвещают
Паденье или гибель королей.
Не удержать мне земляков своих,
Известно им: нет короля в живых.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. РИЧАРД II¹

¹ Перевод Михаила Донского.

Часть первая

1

*ПРЕЗИДЕНТ ДЬЮИ ПОЗДРАВЛЯЕТ СОТРУДНИКОВ НАКА²
С УСПЕШНЫМ ЗАПУСКОМ ОЧЕРЕДНОГО ИСКУССТВЕННОГО
СПУТНИКА ЗЕМЛИ
Агентство Ассошиэйтед Пресс³ 3 марта 1952 г.*

Национальный консультативный комитет по воздухоплаванию запустил на орбиту Земли свой третий искусственный спутник; спутник регулярно посылает радиосигналы на Землю и измеряет с помощью высококачественной аппаратуры интенсивность радиации в космическом пространстве вблизи Земли. Президент наотрез отвергает досужие предположения о том, что спутник, помимо озвученных Комитетом, выполняет еще и задачи Министерства обороны США, и уверяет, что данный проект нацелен на решение лишь научных задач, изначально на него и возложенных.

Помните ли вы, где были, когда ударил метеорит?

Никогда не понимала, почему люди задают друг другу этот дурацкий вопрос, поскольку очевидно же, что помнит каждый.

Я тогда была в горах с Натаниэлем, где он унаследовал от отца хижину, и мы частенько отправлялись туда понаблюдать за звездами. Говоря «понаблюдать за звездами», я, конечно же, имею в виду «заняться сексом».

Надеюсь, что своей откровенностью я вас не особо смутила, а рьяным сторонникам нравственности поясню, что мы с Натаниэлем были тогда здоровой, только-только поженившейся молодой парой.

Так вот, звезды я в те блаженные времена видела в основном на внутренней стороне своих век, но знай я, что вскоре и надолго звезды станут совершенно невидимы с Земли, то к окуляру телескопа там, в горах, припадала бы значительно чаще.

Последнее время мы оба вкалывали как проклятые, готовя очередной запуск, и не выполнял я вычисления для того же проекта НАКА, ведущим сотрудником которого был и Натаниэль, то вряд ли в течение последних двух месяцев хотя бы раз увиделась с ним.

Теперь-то нам обоим был дарован отпуск.

И мы наконец-то лежали в одной кровати, и в ногах у нас валялось изрядно скомканное одеяло, а через окошко хижины едва-едва пробивался приглушенный порхающими снаружи немногочисленными снежинками утренний свет. Мы бодрствовали уже не первый час кряду, но по понятным причинам с кровати подниматься пока даже и не намеревались. Натаниэль, прижавшись ко мне, закинул на меня ногу и принялся водить пальцем по моей ключице в такт популярной в тот год ритм-энд-блюзовой композиции «Шестидесятиминутный Муж-

² Национальный консультативный комитет по воздухоплаванию (англ. National Advisory Committee for Aeronautics, сокр. НАСА, сокр. рус. НАКА) – федеральное агентство США, занимавшееся проведением исследований в области авиации и ставшее предшественником NASA (преобразовано в 1958 году). (Здесь и далее прим. перев.)

³ Ассошиэйтед Пресс (АП; англ. Associated Press, AP) – одно из крупнейших международных агентств информации и новостей. Началось как кооператив новостей газетных издательств. Имеет экономическую и коммерческую службу «Доу Джонс», а также фото-, теле- и радиослужбы. Штаб-квартира расположена в Нью-Йорке. Штаб-квартира европейского отделения, действующего и в России, находится в Лондоне.

чина» в исполнении группы «Billy Ward and his Dominoes», звучащей из нашего крошечного транзисторного радиоприемника на батарейках.

Я, потянувшись всем телом, похлопала Натаниэля по плечу и поинтересовалась:

– Так, мой собственный Шестидесятиминутный Мужчина уже совершил свой очередной полный оборот? Готов ли он к новому кругу?

Он фыркнул, а затем спросил:

– Начнем как обычно – с пятнадцати минут поцелуев?

– Разумеется. Но только прежде ты разожжешь в камине огонь.

– Я вроде бы его уже разжигал.

Он всем телом крутанулся в постели и встал.

Я натянула на себя одеяло и повернулась на бок. Так мне было удобнее в очередной раз любоваться им.

Он был худощав и жилист и только благодаря службе в армии во время Второй мировой не стал тощим. Сейчас он вытаскивал поленья из кучи, что громоздилась под огромным окном в нашей каморке, и совал их одно за другим в камин, и мне, признаюсь, нравилось, как под кожей у него играют мускулы.

И тут весь мир снаружи озарился неистовым светом.

Если вы находились в девять пятьдесят три утра 3 марта 1952 года на расстоянии менее пятисот миль от города Вашингтон, округ Колумбия, то свет тот вряд ли уже позабудете.

В первое мгновение свет был красным, а затем стал столь яростно белым и всюду проникающим, что даже размыл тени по углам.

Натаниэль, все еще держа полено в руках, вскричал:

– Элма! Закрой глаза! Закрой немедленно!

Я так и сделала.

То был неистовый свет. Похоже, его породила атомная бомба. Бомба, несомненно, сброшенная русскими. Теми самыми русскими, что не без основания были недовольны внешней политикой нашего нынешнего президента Дьюи.

Сомнений не вызывало, что эпицентр взрыва находился в округе Колумбия.

Господи!

Как скоро взрывная волна достигнет нас?

Мы оба участвовали в испытаниях атомных бомб в проекте «Тринити», но сейчас все полученные нами знания вдруг вылетели из наших голов. Тем не менее сомнений не вызывало, что округ Колумбия весьма далек от нашего теперешнего местопребывания, и тепловая волна нас вряд ли серьезно затронет. Сомнений также не вызывало и то, что началась война, которой все мы, американцы, отчаянно боялись.

Ничего далее не произошло. И даже музыка из радиоприемника звучала, как и прежде.

Я почти минуту лежала зажмурившись. Затем слегка приоткрыла веки. Оказалось, что ослепительный свет снаружи померк. Я всю распахнула глаза и, прислушиваясь к ни на секунду не прервавшейся радиотрансляции, поделилась с Натаниэлем:

– Значительных электромагнитных импульсов, очевидно, не было.

– Не было, – подтвердил тот. – Следовательно, грохнула вовсе не атомная бомба. – Он, все еще с поленом в руках, подошел к окну и добавил: – И звуковая волна от взрыва до нас еще не добралась. Как думаешь, когда она придет?

Из транзисторного приемника по-прежнему неся «Шестидесятиминутный Мужчина».

– Как давно полыхнуло?

– Время не засекал. Полагаю, прошло чуть более минуты.

Я, поежившись, прикинула:

– Скорость звука здесь около ноль целых двух десятых мили в секунду. Получается, что эпицентр взрыва как минимум в двадцати милях.

Натаниэль принялся натягивать на себя свитер грубой вязки, продолжая мысленный отчет.

Тридцать миль.

Сорок.

Пятьдесят.

– Взрыв... Полыхнуло основательно, а ударной волны все нет. Следовательно, эпицентр взрыва находится намного дальше, а мощность его – десятки мегатонн.

Я, глубоко вздохнув, потрясла головой и констатировала:

– Значит, очевидно, все же не ядерная бомба грохнула. Иначе бы замолчало радио.

– Предложи что-нибудь иное.

Он наконец облачился в свитер.

Из радиоприемника меж тем зазвучала какая-то новая песня.

Я выскочила из постели и схватила лифчик и трусики – не свежие, а те, что были на мне вчера.

За окном всюду разыгрались снежные вихри.

– Видимо, поблизости рванул завод или склад с боеприпасами, – предположила я.

– Или в атмосфере вспыхнул значительных размеров метеор.

– Метеор?

Вспышка огромного метеора в атмосфере отлично объясняла, почему не прервалось радиовещание.

Я облегченно вздохнула.

Получается, всего лишь локальное событие!

– Так вот отчего не было взрывной волны! Просто в атмосфере молниеносно сгорел крупный метеор! Только и всего!

Пальцы Натаниэля коснулись моих. Затем он принял у меня бретельки лифчика и надел их мне на плечи. Зафиксировал застежку у меня за спиной и обхватил своими ладонями мои предплечья.

Его руки были горячими. Заметно горячее моей кожи.

Я слегка расслабилась, но думать о вспышке не прекратила.

Она была такой неистовой, такой яркой!

Он слегка сжал мои предплечья, а затем опустил руки.

– Именно.

– Всего лишь метеор?

– А что же еще? Давай потихоньку собираться назад, в город.

Верить его словам мне хотелось отчаянно, но вспышка... Вспышка была такой интенсивной, что и зажмуренные веки помехой ей не стали!

И то был всего лишь метеор?!

Пока мы одевались, из радиоприемника неслись одна жизнерадостная композиция за другой, и каждый раз, когда очередная заканчивалась, я смотрела на транзистор, уверенная, что на этот-то раз кто-нибудь расскажет нам, что произошло.

Все же мое подсознание, похоже, предостерегало, что худшее еще впереди, и, повинаясь ему, я вместо мокасин надела походные ботинки.

И тут пол содрогнулся, а фарфоровая малиновка, заплясав вдруг, свалилась с прикроватного столика.

Сначала я было подумала, что мимо проезжает тяжелый грузовик. Но какое там, ведь мы находились в горах – вдалеке от любых асфальтовых дорог.

Землетрясение?

Но с чего бы, ведь мы находились в абсолютно геологически стабильных горах Поконо.

Не размышлявший о геологической стабильности данных мест Натаниэль схватил меня за руку и потащил к двери.

Тут пол под нами вздыбился и заходил ходуном.

Мы, вцепившись друг в друга, тоже задвигались, словно исполняющая фокстрот парочка навеселе.

Стены изогнулись, а потом... потом рухнула разом вся хижина.

Я почти уверена, что орала тогда во все горло.

Когда земля вновь обрела стабильность, оказалось, что радиоприемник все еще играет, а мы с Натаниэлем лежим, прижавшись друг к другу, в остатках дверной рамы.

Вокруг нас кружилась, неторопливо опускаясь, наполнившая морозный воздух пыль.

Я смахнула пыль с его лица.

Руки у меня дрожали.

– Как ты? – спросила я.

– Хуже не бывает, – ответил он.

Его голубые глаза были широко раскрыты, но оба зрачка имели одинаковый размер, так что... Вроде бы он особо не пострадал.

– Ну а как ты?

Прежде чем ответить «лучше не бывает», я, вздохнув, все же мысленно провела инвентаризацию своего тела.

Меня по-прежнему переполнял адреналин, но несомненно я не обмочилась, хотя, признаюсь, и была близка к тому.

– Завтра мне будет больно, но не думаю, что получила какие-то серьезные повреждения. В отличие от нашего жилища.

Он кивнул и вытянул шею, оглядывая полость в развалинах хижины, в которой мы оказались похоронены.

Сквозь щель, где потолочная панель из фанеры упала на остатки дверной фрамуги, пробивался солнечный свет.

С трудом, но мы все же раздвинули либо приподняли часть обломков и выкарабкались наружу.

Если бы я была одна, то я бы... Ну, если бы я была одна, то и в дверь вовремя войти не успела.

Задрожав, несмотря на свитер, я обхватила себя руками.

Натаниэль, покосившись на обломки, предположил:

– Может, одеяло оттуда достанем.

– Давай лучше просто пойдем к машине.

Я повернулась, молясь, чтобы оказалось, что на машину ничего не упало.

Слава богу, она стояла на небольшой парковке неповрежденной.

– Мою сумочку с ключами от машины мы среди развалин вряд ли теперь отыщем. Но не беда, я просто замкну провода под рулевой колонкой, и мы двинемся в путь.

– Так, полагаешь, минуты четыре? – задумчиво спросил Натаниэль и тут же оскользнулся на снегу. – Именно столько прошло между вспышкой и землетрясением.

– Что-то вроде того, – немедленно согласилась я.

Пульс мой по-прежнему неистовствовал, пальцы дрожали, а ноги подгибались, и я, с удовольствием ухватившись мыслями за незыблемые столпы математики, принялась прокручивать в голове цифры и вычислять расстояния. Уверена, Натаниэль делал тогда то же самое.

– Таким образом, центр взрыва находится в радиусе миль трехсот, – заключила я.

– А воздушный фронт взрыва прибудет сюда... Где-то через полчаса после подземного толчка. Плюс-минус.

Голос Натаниэля звучал совершенно спокойно, но когда он открывал для меня пассажирскую дверь, я обратила внимание, что руки его дрожат.

– Что означает, что у нас есть еще... От силы минут пятнадцать до того, как по нам ударит.

Мои легкие холодом обжег воздух.

Всего лишь пятнадцать минут!

Расчетами для ракетных испытаний я занималась несколько лет, могла с легкостью вычислить наиболее вероятный радиус взрыва «Фау-2» или потенциал ракетного топлива. Расчеты давно уже внесли ясность в мое мышление, но результаты тех расчетов были... Всегда были всего лишь цифрами на бумаге, сейчас же ситуация была совершенно иной, и, кроме того, мне не хватало достоверных данных для достаточно точного, пусть даже и краткосрочного прогноза. Тем не менее я все же знала наверняка, что раз играет радио, то взрыв вызван вовсе не атомной бомбой, но вместе с тем было совершенно очевидно, что сила произошедшего взрыва чудовищна.

– Прежде чем ударит воздушный фронт, следует спуститься как можно ниже к подножию горы.

Свет исходил с юго-востока.

Слава богу, мы находились на западной стороне горы, но к юго-востоку от нас были округ Колумбия, Филадельфия, Балтимор, и там жили сотни тысяч, а то и миллионы людей.

Включая всю мою семью.

Я скользнула на холодное пассажирское сиденье рядом с водительским и, согнувшись на нем в три погибели, извлекла из-под рулевой колонки жгут проводов. Изумилась про себя, что сосредоточиться на проводке автомобиля оказалось много легче, чем на том, что происходит снаружи.

А снаружи воздух явственно шипел и потрескивал.

Натаниэль, заняв место водителя, высунулся из окна и в сердцах воскликнул:

– Черт!

– Что такое? – Я вытащила голову из-под приборной панели и посмотрела через окно мимо заснеженных деревьев вверх.

Небо рассекали многочисленные огненные, дымовые и инверсионные следы. Это на Землю возвращались куски породы, отброшенные ударом метеорита за пределы атмосферы.

– Ну что ж... – Мой голос дрогнул, но я все равно постаралась придать ему веселый тон: – Выходит, ты ошибся насчет того, что метеор взорвался в воздухе.

Я наконец-то завела двигатель, и Натаниэль немедленно дал по газам и повел машину по серпантину вниз.

Добраться до нашего самолета прежде, чем ударит вызванный падением метеорита воздушный фронт, мы никак не могли, и нам оставалось только надеяться, что в сарае он будет достаточно защищен.

Что касается нас, то... То было совершенно очевидно, что чем больше горной породы окажется между нами и ударной волной, тем лучше.

Взрыв, сопровождаемый таким световым эффектом на расстоянии в триста миль, нежным не будет.

Я включила радио, ожидая, что услышу лишь тишину, но из динамика зазвучала музыка.

Я принялась крутить диск, разыскивая хоть что-нибудь, что рассказало бы нам, что происходит, но на всех волнах была только безжалостная музыка.

Салон машины вскоре прогрелся, но дрожь у меня не унялась, и я прижалась к Натаниэлю.

– Кажется, у меня шок.

– Самолет пилотировать сможешь?

– Смочь-то я смогу, но сможем ли мы взлететь, всецело зависит от того, сколько камней набросает на взлетную полосу к тому времени, как мы доберемся до аэродрома.

Я хоть и не принимала участия в боевых действиях во время войны, но бывало по-разному, и пилотировать самолет в любых условиях я давно уже не боялась.

– Хотелось бы только, чтобы меня перестало знобить.

Он обнял меня, остановил машину на обочине встречной полосы движения, где мы оказались прикрыты скальным навесом от ударной волны, которая скоро неминуемо доберется до этих мест.

– Полагаю, лучшего укрытия нам уже не найти, – произнес Натаниэль.

– Похоже на то, – согласилась я.

Паника никому из нас не поможет, да и мы вполне можем ошибаться в суждениях о том, что происходит. Но трудно не напрягаться, ожидая взрывной волны.

Я положила голову на колючую шерсть куртки Натаниэля.

Песня резко оборвалась. Я не помню, что звучало в тот момент. Помню только внезапную тишину и наконец голос диктора. Почему им потребовалось почти полчаса, чтобы сообщить о том, что происходит? Я еще никогда не слышала, чтобы голос Эдварда Р. Марроу так дрожал.

– Леди и джентльмены... Леди и джентльмены, мы прерываем нашу программу выпуском экстренных новостей.

Сегодня около десяти утра в атмосферу Земли вошло нечто, похожее на метеорит. Оно упало в океан недалеко от побережья Мэриленда. На месте падения возник огромный огненный шар, затем последовало землетрясение, следствием которого стали чудовищные разрушения.

Жителям прибрежных районов вдоль всего Восточного побережья рекомендуется немедленно эвакуироваться в глубь страны, поскольку ожидаются гигантские приливные волны, подобные цунами.

Всех остальных граждан настоятельно просим оставаться на своих местах, дабы ваши действия не затрудняли работу сотрудников экстренных служб.

Диктор сделал паузу, и вся нация, казалось, затаила дыхание, вслушиваясь в статическое шипение эфира.

– Теперь я передаю слово корреспонденту Филиппу Уильямсу из нашего филиала в Филадельфии, который сейчас находится в непосредственной близости от места происшествия.

Почему привлечен корреспондент из Филадельфии, а не кто-то из Вашингтона или его пригородов?

Или, скажем, хотя бы из Балтимора?

Сначала я подумала, что усилились помехи, но затем осознала, что из динамика доносятся звуки сильного пожара.

Понадобилось несколько секунд, чтобы до меня наконец дошло понимание. Живых репортеров ближе к месту катастрофы, чем Филадельфия, просто не нашлось, и на то, чтобы отыскать репортера хотя бы оттуда, наверняка ушло немало времени.

– Я стою на федеральной трассе номер один примерно в семидесяти милях к северу от места падения метеорита. Из-за неистовой жары мы не смогли подобраться ближе даже на самолете. Во время полета глазам нашим предстали чудовищные разрушения внизу, столица же выглядит так, будто ее зачерпнула громадная ручища и забрала с собой вместе со всеми жителями.

О состоянии президента пока ничего доподлинно не известно, но...

Голос репортера сорвался, и сердце мое сжалось. Позднее же, когда я увидела, где он стоял, то была поражена, что он вообще был способен тогда говорить.

– Но от самого Вашингтона ничего не осталось, – закончил он.

2

ДИКТОР: – Новости Би-би-си для вас озвучивает Роберт Робинсон. Сегодня, 3 марта 1952 года, сенсационной мировой новостью стало падение ранним утром метеорита недалеко от столицы Соединенных Штатов Америки. Разрушительная сила от удара метеорита превзошла ударную силу обеих бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Так, наблюдатели сообщают, что от города Вашингтон, округ Колумбия, на сотни миль во все стороны пронеслась разрушительная огненная буря.

Наконец-то радио сообщило текущие новости, но даже услышав их, я продолжала прокручивать в голове цифры. Иметь дело с цифрами было много приятнее, чем воспринимать случившееся. Много проще, чем думать о том, что и мы жили в округе Колумбия. О том, что мы знали там многих. И самое главное, о том, что мои родители были в Вашингтоне как раз во время падения метеорита. Чтобы добраться оттуда сюда, наконец вычислила я, взрывной волне потребуется двадцать четыре минуты.

Я постучала по часам на приборной панели.

– Вот-вот и до нас дойдет.

– Несомненно. – Мой муж закрыл лицо руками и, опершись о руль, наклонился вперед. – А твои родители?..

– Дома. Да.

Мне никак не удавалось унять дрожь. Рваные вдохи были быстрыми и поверхностными. Я стиснула челюсти и зажмурилась.

Сиденье сдвинулось, и Натаниэль притянул меня ближе. Он склонил ко мне голову, запечатывая меня в маленьком коконе из твида и шерсти.

Его родители были старше моих и умерли несколько лет назад, поэтому он знал, что мне нужно, и просто обнимал меня.

– Я думала... Моей бабушке – сто три, и я полагала, что у моего отца впереди еще целая вечность.

Он резко вдохнул. Так, будто его ударили ножом.

– Что такое? – испугалась я.

Натаниэль размеренно выдохнул и притянул меня ближе.

– Было предупреждение о возможном цунами.

– О боже.

Бабушка жила в Чарлстоне. Не в пляжном домике на самом берегу. Однако весь город был расположен на пологом побережье. А еще там жили мои тети и дяди. И двоюродные братья и сестры. И еще Маргарет, которая только родила.

Я попыталась сесть, но руки Натаниэля крепко держали меня.

– Метеорит упал незадолго до десяти. Значит, цунами придет... Придет когда?.. Мне нужна карта... И знать бы еще, насколько он был велик. И куда точно угодил. И какой там была глубина...

– Элма. – Натаниэль сжал меня еще крепче. – Элма. Ш-ш-ш... Ты своим родственникам сейчас ничем не поможешь.

– Но бабушка...

– Знаю, милая, знаю. Когда мы доберемся до самолета, то, быть может...

Достигшая нас ударная волна вдребезги разбила все стекла в машине. Последовавший грохот вибрировал в моей груди, точно ракета, покидающая стартовую площадку.

Я испытывала давление каждой своей клеткой, оно наполняло мое сознание ревушими волнами, снова и снова.

Я вцепилась в Натаниэля, он же вцепился в руль, а машина, дернувшись, заскользила по дороге.

Мир вокруг стонал и ревел, и ветер выл в лишенном стеклах салоне автомобиля.

Звук наконец затих, и оказалось, что машина порядком отъехала. Поперек дороги, будто опрокинутые великаном, аккуратными рядами лежали деревья, а те, что не упали, оказались полностью очищены от снега и листвы.

Лобовое стекло машины просто исчезло, а на нас лежало покрывшееся паутиной трещин ламинированное стекло из окна со стороны водителя. Я приподняла его, и Натаниэль помог мне вытолкнуть его наружу. Из неглубоких царапин на его лице и руках сочилась кровь.

Он поднял руку к моему лицу.

– У тебя кровь идет. – Его голос звучал словно из-под воды, и, заговорив, он нахмурился.

– И у тебя тоже, – мой собственный голос звучал приглушенно. – У тебя уши повреждены?

Он кивнул и, размазывая кровь, провел ладонью по лицу.

– По крайней мере, не услышим плохих новостей.

Я рассмеялась, хотя смешно мне вовсе не было. Я потянулась, чтобы выключить радио, и замерла с протянутой рукой.

Из динамика не доносилось ни звука, и дело было не в том, что взрыв повредил радиоприемник. Молчал эфир.

– Должно быть, местную радиовещательную башню напрочь снесло.

– Поищи другую станцию. – Натаниэль включил передачу, и машина наша неохотно поползла несколько футов. – Погоди-ка. Не-ет. Сожалею, но придется идти пешком.

Даже если бы машина осталась цела, далеко бы мы на ней не уехали, поскольку поперек дороги была навалена тьма-тьмушая деревьев. Но до аэродрома всего мили две, и летом мы иногда ходили туда пешком.

Может быть... Может, мы все еще доберемся до Чарлстона прежде, чем на него обрушится цунами.

Только бы самолет оказался невредим. Только бы метеоусловия оказались благоприятными. Только бы у нас было достаточно времени!

Шансы на успех были более чем призрачны, но что мне еще оставалось, кроме как надеяться?

Мы вышли из машины и быстрым, насколько это возможно, шагом направились к аэродрому.

* * *

С помощью Натаниэля я перебралась через корявый ствол дерева. Затем поскользнулась на влажном спуске и, не держи он меня за руку, непременно приземлилась бы на пятую точку. Я все торопилась, торопилась... Глупо, конечно, ведь навернись я и сломай себе шею или даже всего лишь руку, пользы от этого никому бы не было.

Глядя на тающий снег, Натаниэль поморщился.

– Температура растет.

– Жаль, купальник с собой не захватила. – Я ободряюще, как мне казалось, похлопала его по руке, и мы продолжили путь.

Отчаянно храбрясь, я вела себя более чем легкомысленно. Полагала, что таким образом предоставлю Натаниэлю меньше поводов для беспокойства.

По крайней мере, меня перестало трясти. Я не слышала птиц, но не знала, было ли тому причиной частичное повреждение слуха или они просто замолкли. Во многих местах дорога была перекрыта стволами упавших деревьев либо оторванными от уцелевших крупными ветками, но двигаться по ней было предпочтительнее, поскольку она давала нам ориентир. Мы продвигались тяжело и медленно. Одеты не по погоде, даже несмотря на нагретый взрывом воздух, мы вскоре почувствовали, что нас одолевает холод.

– Ты правда думаешь, что самолет уцелел?

Порезы на лице Натаниэля перестали кровоточить, но кровь и грязь придавали ему почти пиратский вид. Именно таким, как мне представляется, выглядел бы настоящий пират, носи он твид.

Я обогнула очередную крону упавшего дерева.

– Как бы то ни было, аэродром все же ближе, чем город, да и...

На дороге лежала рука. Рука без тела. Просто голая рука, и пальцы ее были устремлены к небу. Заканчивалась рука окровавленным плечом, а обладавший ею некогда был, вероятнее всего, взрослым белым мужчиной лет тридцати.

– Боже.

Натаниэль остановился подле меня.

Никто из нас не был брезглив, да и потрясения последних часов создали в наших сознаниях некую дымку оцепенения.

Я шагнула к руке, а затем взглянула на холм. Осталось стоять лишь несколько деревьев, но их кроны, даже лишенные листьев, маскировали пейзаж узором из ветвей.

– Эй!

Натаниэль сложил руки рупором вокруг рта и крикнул:

– Эй! Есть там кто?!

Если не считать ветра, шелестящего ветвями, на холме было тихо.

На фронте я видела вещи похуже, чем оторванная конечность, но то было на войне, а там смертей не счесть, да и вообще законы свои.

Хоронить руку было бесполезно, но и оставить казалось неправильным.

Я, нащупав руку Натаниэля, произнесла:

– Барух даян ха'эмет⁴.

К моему голосу присоединился его глубокий баритон.

Наша молитва была не столько об этом человеке, который, вероятно, и не был евреем, сколько за всех людей, которых он в наших сердцах воплощал: за моих родителей и за тысячи – сотни тысяч – жизней, которые сегодня безвременно канули в Лету.

Именно тогда я наконец заплакала.

* * *

До взлетно-посадочной полосы мы добрались лишь часа через четыре.

Понятно, что летом мы могли преодолеть то же расстояние за час – пологие горы Пенсильвании были не более чем холмами.

Но то было летом, а сегодняшний переход оказался... трудным. Ужасно трудным.

И рука была не худшим, что мы видели.

Кроме того, на пути к аэродрому мы не встретили ни единого живого человека.

⁴ Благословен Судья праведный (*иврит*). Выражение произносится, когда слышат скорбные сообщения о смерти человека.

* * *

По периметру взлетно-посадочной полосы деревьев было больше, и росли они гуще. Те из них, что имели неглубокие корни, были теперь повалены.

Взлетно-посадочная полоса представляла собой лишь вытянутый кусок поля, расположенный между деревьями на пологом плато, и выполняла свои функции лишь благодаря тому, что мистер Голдман знал Натаниэля с детства и для нас постоянно держал эту часть своего хозяйства скошенной.

Проходившая примерно с востока на запад полоса оказалась почти перпендикулярно фронту взрыва, отчего большинство деревьев было повалено параллельно ей, оставив полосу чистой. Вдоль восточного конца ее тянулась дорога, которая, достигнув конца полосы, плавно сворачивала на север.

К западу располагался сарай, в котором временами и стоял наш самолет. Стены сарая сейчас оказались порядком покосившимися, просевшими, но, самое главное, сам сарай выстоял.

Нам невероятно повезло!

Спустившись по склону еще немного, я вдруг ощутила первый с той самой злосчастной минуты, как на нас обрушился взрыв, проблеск надежды.

Я явственно услышала урчание работающего двигателя. Автомобильного двигателя!

Натаниэль встретился со мной взглядом, и мы, не сговариваясь, рванули вниз, к дороге, огибающей с восточной стороны взлетно-посадочную полосу. Мы карабкались по стволам и упавшим веткам, огибали камни и мертвых животных, скользили в слякоти и пепле. Мы отчаянно стремились туда, где, частично скрытый уцелевшими после взрыва деревьями, стоял автомобиль с работающим, как я к тому времени уже сообразила, на холостом ходу двигателем.

Рокот двигателя становилась все громче, все явственнее, а когда мы преодолели последнее препятствие и оказались на взлетно-посадочной полосе, то глазам нашим предстал красный пикап «Форд», на котором ездил мистер Голдман.

Мы с Натаниэлем устремились по дороге к автомобилю. Завернули за поворот. Дорога здесь была напрочь перекрыта деревом, и грузовичок прижался к нему передним бампером, будто мистер Голдман пытался оттолкнуть дерево с дороги.

– Мистер Голдман! – закричал Натаниэль и замахал руками.

Стекла на дверцах грузовичка были опущены, и мистер Голдман сидел, опустив голову на локоть, частично высунутый из водительской дверцы. Я подбежала к машине, надеясь, что он – просто без сознания.

Мы с Натаниэлем, по крайней мере, предвидя опасность, заранее укрылись от приближающейся взрывной волны.

Но мистер Голдман такой возможности был лишен...

К грузовичку я подошла уже не спеша.

Натаниэль частенько рассказывал мне истории о своих детских поездках в хижину и о том, что у мистера Голдмана всегда были для него припасены мятные леденцы.

А теперь мистер Голдман был мертв. Это было совершенно очевидно, и прикасаться к нему, а тем более щупать пульс необходимости не было, поскольку в шее его, пронзая насквозь, торчала ветка дерева.

3

ДИКТОР: – Вы слушаете новости Би-би-си со всего мира за 3 марта 1952 года. Последние новости вам озвучиваю я, Рэймонд Бакстер. На Восточном побережье Соединенных Штатов по-прежнему бушуют пожары, а последствия, вызванные упавшим там этим утром метеоритом, уже ощутили и другие страны. Так, о разрушительном цунами пришли сообщения из Марокко, Португалии и Ирландии.

Несомненно, моя маленькая «Сессна» была более летучей, чем многие из тех самолетов, которые вообще для полетов едва ли годились, но на которых мне все же частенько приходилось выполнять транспортные миссии во время Второй мировой, когда я была одной из «ОС»⁵.

После самой тщательной и едва ли не самой дотошной за всю историю авиации предполетной проверки я подняла «Сессну» в воздух. Едва набрав полетную высоту, немедленно свернула на юг, в сторону Чарлстона.

Сразу было понятно, что ничего путного из этой затеи не выйдет, но попытаться, как мне тогда казалось, все же стоило. Едва самолет развернулся, надежды мои умерли – оказалось, что небо к югу и к юго-востоку представляет собой сплошную темную стену пыли и дыма, подсвеченную снизу. Если вам доводилось видеть значительные лесные пожары, то вы хотя бы отдаленно представляете, на что оказалось похоже то, что предстало нашим глазам. А увидели мы зарево, что простиралось до самого горизонта, будто кто-то откинул солидный кусок мантии и открыл врата в ад. Влететь туда было бы сущим безумием.

А к востоку от гор все было сровнено с землей, и деревья там лежали аккуратными рядами.

На сиденье рядом со мной, едва слышно за ревом двигателя, застонал Натаниэль.

Я слотнула и развернула самолет на запад.

– У нас топлива часа на два. Куда полетим? Предлагай.

С конкретно поставленными перед ним задачами мой муж обычно справлялся отменно – всегда выдвигал конструктивные идеи. Вот и сейчас он потер ладонью лицо, выпрямился в кресле и, потянувшись к радио, которое все еще было настроено на башню Лэнгли, предложил:

– Давай для начала выясним, слышит ли нас хоть кто-нибудь. – Он, вооружившись микрофоном, произнес: – Башня Лэнгли, башня Лэнгли. «Сессна» Четыре-Один-Шесть Браво запрашивает ваши рекомендации по воздушному движению. Прием.

Ответом ему были только помехи.

– Любому, кто нас слышит. «Сессна» Четыре-Один-Шесть Браво запрашивает рекомендации по воздушному движению. Прием.

Ответа опять не последовало.

Он принялся повторять свой запрос вновь и вновь, меняя радиочастоту настройки. Результат был все тем же, а я по-прежнему вела самолет на запад.

Он уже почти отчаялся, и я ему посоветовала:

– Попробуй УКВ-диапазон в частотной модуляции.

Как гражданскому пилоту, мне полагалось иметь на борту только коротковолновый передатчик, но поскольку Натаниэль работал в НАКА и ему частенько необходимо было напрямую

⁵ «ОСы» (*англ.* WASP – Women Airforce Service Pilots, Женская служба пилотов Военно-воздушных сил США) – подразделение Военно-воздушных сил США, созданное 5 августа 1943 года в ходе Второй мировой войны. Это первая организация гражданских пилотов-женщин, нанятых для управления военными самолетами. К концу войны она насчитывала 1074 человек. Пилоты «Женской службы» не считались военнослужащими. Программа WASP была закрыта за несколько недель до выпуска последней группы летчиц в 1944 году.

слушать пилотов, принимающих участие в испытательных полетах, на «Сессне» был также установлен и УКВ-приемопередатчик. Мы никогда прежде не загромождали военные каналы своим вещанием, но сегодня... Сегодня был особый случай, и я просто жаждала, чтобы нам хоть кто-нибудь ответил.

По мере нашего продвижения на запад масштабы разрушений вроде бы шли на убыль, но не исчезали: тут и там деревья и здания были повалены взрывом, тут и там пылал огонь, и потушить его, по всей видимости, было некому.

Из динамика вдруг послышалось:

– Неопознанная «Сессна». С вами на связи – Сабля Два-Один. Извещаем вас, что все несанкционированные воздушные полеты в этом районе категорически запрещены.

При звуке голоса живого человека я снова заплакала, но я вела самолет и оттого, яростно проморгавшись, сосредоточилась на горизонте.

– Вас понял, Сабля Два-Один. «Сессна» Четыре-Один-Шесть Браво, прошу ваших рекомендаций относительно ближайшей расчищенной площадки для посадки. Наш теперешний курс – два семь ноль.

– Один-Шесть Браво, вас понял. Я прямо над вами. Откуда вы, черт возьми, сюда заявились? – Помимо голоса из динамика доносились еще шипение и скрежет, характерные, как я отлично знала, для речи облаченного в кислородную маску, а на границе слышимости улавливался еще и тонкий вой реактивного двигателя.

Оглянувшись назад и вверх, я разглядела «Ф-86», а чуть позади – и его ведомого. Они без труда догоняли нас, но реши я затеять с ними игру, им бы пришлось отчаянно кружить, поскольку скорость сваливания их машин значительно выше той, на которой способна была лететь моя крошка «Сессна».

– Ад кажется довольно точным определением того места, откуда мы явились. – Натаниэль потер лоб свободной от микрофона левой рукой. – Если уж хотите подробностей, то сообщаю, что, когда упал метеорит, мы были в горах Поконо.

– Господи, Один-Шесть Браво. Я только что пролетел над тем местом. Как вы вообще уцелели?

– Понятия не имею. Итак... Где нам садиться?

– Секундочку. Проверю, смогу ли сопроводить вас в Райт-Паттерсон.

– Вас понял. Поможет ли вам упоминание о том, что я – капитан армии в отставке и все еще работаю на правительство?

– На правительство? Может, вы еще и сенатор?

Натаниэль рассмеялся.

– Боже упаси. Я – ученый-ракетчик из НАКА. Если вам мое имя чего-нибудь скажет, то сообщаю, что зовут меня Натаниэль Йорк.

– Спутники! Вот оно что! Вот почему мне знаком ваш голос. Я же его по радио прежде слышал. Майор Юджин Линдхольм, к вашим услугам. – Последовала пауза минуты в две, а затем он спросил: – До Райт-Паттерсона топлива у вас хватит?

Я много раз летала на ту авиабазу – перегоняла туда самолеты во время войны. Она была примерно в ста пятидесяти милях от того места, где мы находились. Я кивнула и, скорректировав курс, направила нашу «Сессну» напрямик к Райт-Паттерсону.

Натаниэль тоже кивнул, обозначив свое понимание, и снова поднес к губам микрофон:

– Топлива хватит. И место нам знакомо. Немедленно следуем туда.

– Отлично. Окажетесь там как раз к ужину. Но заранее предупреждаю, что достойных посещения достопримечательностей там днем с огнем не сыщешь.

При упоминании еды мой желудок заурчал. Я припомнила, что ели мы в последний раз вчера вечером. На меня вдруг напал зверский голод. Даже просто вода оказалась бы кстати.

Натаниэль отключился и со вздохом откинулся на спинку кресла.

– Похоже, у тебя завелся поклонник, – прокомментировала я его переговоры.
Он фыркнул. Помолчал. Затем пробормотал:
– Мы должны были это предвидеть.
– Предвидеть что?
– Метеорит. Мы должны были предвидеть его падение.
– Слежение за метеоритами вовсе не входило в круг ваших должностных обязанностей.
– Но мы искали то, что могло бы помешать функционированию спутников. Нам следовало бы заметить подбирающийся к нам чертов астероид. Заметь мы его хотя бы тогда...
– Ну и заметь вы его вовремя, что бы сделали?
Он, насупившись, промолчал.

Звук двигателя вдруг изменился, а кресло подо мной нещадно завибрировало. Колено Натаниэля принялось подпрыгивать, и он, подавшись вперед, судорожным движением схватил карты.

– Похоже, нам следует отклониться на юго-запад.

Я уже сделала это, и у нас было сопровождение, но если Натаниэль чувствовал себя полезным, давая мне указания, то, ей-богу, он мог вести меня всю дорогу туда.

Очевидно, нас, на нашу беду, угораздило оказаться в районе, куда принялись падать камни, вырванные метеоритом из земной коры, а затем на время выброшенные за пределы атмосферы. И каждая огненная полоса в небе, прочерченная нежеланным подарком внеземного гостя, напоминала нам, насколько мы уязвимы перед беспощадными силами природы.

Я видела падающие камни, но никак не могла помешать им сбить нас. Поэтому я лишь крепче сжала штурвал и полетела.

* * *

Прелесть постоянного чувства голода заключалась в том, что оно противостояло успокаивающему гулу самолета и не давало мне заснуть. А еще ужасный баритон Натаниэля. У моего мужа много достоинств, но пение явно не одно из них. Его пение напоминало грохот гравия в ведре.

К счастью, он знал это и налегал больше на комедийный репертуар, пытаясь не давать мне уснуть. Ревя, как влюбленный мул, Натаниэль притопывал ногой:

*О, помнишь ты бабулино хозяйственное мыло?
Оно отлично справится, отмоев все без мук.
И для горшка, и чайника, и для лица и рук!*

Наконец-то вдалеке под нами открылся великолепный вид на аэродром Райт-Паттерсон. Его опознавательный огонек на вышке вспыхнул зеленым, а затем, обозначив его армейскую принадлежность, двойным коротким белым.

*Миссис Молино страждет в долине,
Язвой замучена ныне!*

– Спасены! – Я, снизив «Сессну» до нужной высоты, зафиксировала ее. – Сообща диспетчеру, что мы прибываем.

Натаниэль ухмыльнулся и, взяв в руку микрофон, произнес в него:

– Сабля Два-Один. Один-Шесть Bravo запрашивает, как там у вас на базе с едой?

Рация в ответ затрещала, и из динамика раздался сначала смех майора Линдхольма, а затем он сообщил:

– Там есть все, чего пожелаете. И даже больше.

– И только-то?

– Если окажется мало, а вы действительно будете милы, то я даже поделюсь с вами снедью из пакета, что мне собрала на работу моя женушка.

Я рассмеялась вместе с Натаниэлем гораздо громче, чем шутка того заслуживала.

Натаниэль переключил радио на частоту вышки, и из динамика тут же раздался голос:

– Башня Райт-Паттерсон самолету, следующему курсом два-шесть-ноль на высоте восемь тысяч пятсот футов. Немедленно назовите себя.

– Башня Райт-Паттерсон. На связи – «Сессна» Четыре-Один-Шесть Браво. Снижаемся с восьми тысяч пятисот на ваше поле. – Натаниэль летал со мной уже не раз, и общение с диспетчерами аэродромов превратилось для него в рутину. Он на мгновение опустил микрофон, затем, ухмыльнувшись, вновь поднял его. – И, Башня, у нас на буксире Сабля Два-Один.

– Сабля Два-Один Башне. Мы сопровождаем Один-Шесть Браво. Запрашиваем разрешение на посадку.

Я фыркнула. У пилота истребителя, поди, уже желваки ходуном ходили от того, что пришлось тащиться за столь медлительным и убогоньким самолетом, каким и была моя «Сессна», а тут еще и издевательская реплика Натаниэля.

– Один-Шесть Браво и Сабля Два-Один, Башня вас поняла. Один-Шесть Браво, следуйте на посадку. Имейте в виду, что у нас...

Мимо носа моего самолета пронесся ослепительный пучок света. Прозвучал отрывистый, похожий на взрыв бомбы звук. Самолет дернулся. Я немедленно выровняла его, и вдруг... Вдруг увидела пропеллер. Вернее, увидела то, что от него осталось, поскольку часть его просто исчезла. На понимание того, что произошло, мне потребовалось мгновение. Полоска света была камешком, и камешек этот врезался прямо в нос моего самолета, снес часть винта.

Вибрация двигателя передалась моей руке, вцепившейся в рычаг управления, а спинка кресла с силой врезала по основанию позвоночника.

Дальше будет только хуже, немедленно сообразила я.

Двигатель ходил ходуном и натужно стонал, и не исключено было, что от чудовищной вибрации он просто выскочит наружу. Я немедленно перевела двигатель на холостой ход и приступила к его аварийному глушению. Черт возьми! Я не дотяну до аэродрома. Мне нужна посадочная площадка. Прямо сейчас!

По крайней мере, мы находились над сельской местностью, но беда была в том, что снег на полях скрывал неровности. В том числе и критические.

Я потянула ручку дроссельной заслонки до упора, и двигатель наконец-то заглох, а единственным звуком, доносившимся до нас, стал свист ветра. И тут то, что осталось от пропеллера, оторвалось от оси и, неистово вертясь, пронеслось в воздухе. К счастью, пронеслось мимо.

«Сессна» была чертовски хорошим планером, но угоди нечаянный камешек с небес ему в крыло, нам, пожалуй, и единственного шанса на спасение не представилось бы, хотя и теперь на более-менее благополучное приземление у меня имелась лишь одна попытка.

Между полями проходила дорога, способная на первый взгляд послужить нам вполне приемлемой посадочной полосой, если бы не заборы. Выбора не было – придется садиться на поле.

Будучи в составе «ОС», поломки двигателя в самолете, случавшиеся частенько, я воспринимала само собой разумеющимися, но для Натаниэля это было впервые.

Краем глаза я заметила, что он сжал побелевшими пальцами микрофон, поднес его ко рту и голосом столь ровным, что я в очередной раз мужем возгордилась, произнес:

– Башня Райт-Паттерсон, это – «Сессна» Четыре-Один-Шесть Браво. У нас чрезвычайная ситуация. Отказал единственный двигатель, и мы совершаем вынужденную посадку в поле...

Он нашупал карту.

– Башня Райт-Паттерсон «Сессне» Четыре-Один-Шесть Bravo, – раздалось из динамика. – Мы не спускаем с вас глаз. Просто сосредоточьтесь на приземлении. Башня Райт-Паттерсон Сабле Два-Один. Проследуйте над ними, чтобы точно определить, где они приземлятся.

– Сабля Два-Один Башне Райт-Паттерсон. Уже нахожусь над ними.

Над головой возник и стремительно удалился рев реактивных самолетов – это над нами пролетели майор Линдхольм и его ведомый.

Причиной смерти собственного мужа мне стать чертовски не хотелось, и я его спросила:

– Ты пристегнут?

– Разумеется, – подтвердил он, но я-то видела, что замок ремней безопасности он защелкнул только после моего вопроса, и, следовательно, спросила я его как раз вовремя. – Могу ли я... хоть чем-нибудь помочь?

– Держись крепче.

Я посмотрела на высотомер.

– Но все же...

Он просто стремился сейчас быть нужным, но времени на увещевания у меня не было вовсе, и я велела ему:

– Молчи.

Я, насколько это было возможно, сбросила скорость, и нам навстречу вздыбилась земля. Тут я слегка задрала нос самолета в расчете на то, что поверхности поля первым коснется хвостовое колесо. Так и произошло, и колесо, зацепив снег, ощутимо замедлило наше дальнейшее движение. Я держала нос «Сессны» задранным сколько могла. Наконец неровной поверхности поля под снегом коснулось колесо, расположенное под левым крылом. Самолет порядком потрянуло. Я что было сил вцепилась в рычаг, стараясь удержать оба крыла на одном уровне, и принялась работать педалями руля, разворачивая самолет поперек направления ветра.

Я тянула и тянула рычаг, давила то на одну педаль, то на другую, и наконец самолет оказался повернутым в направлении, почти в точности противоположном тому, в котором мы сюда и прибыли. И он остановился, а мир вокруг нас стал божественно тих и неподвижен.

Я с шумом выдохнула и откинулась на спинку сиденья.

Над головой опять проревели реактивные двигатели, затрещало радио, и кабину заполнил голос майора Линдхольма:

– Один-Шесть Bravo, отлично сработано! Вы оба уцелели?

Дрожащей рукой Натаниэль поднес микрофон ко рту и произнес:

– Мы не мертвы. Так что, да, пожалуй, что уцелели.

* * *

Застывшая сплошной массой фасоль и совершенно сомнительного качества мясной рулет, похоже, оказались лучшим блюдом, что мне приходилось есть. Бобы были сладковатыми, а во рту стоял устойчивый привкус соли, и оттого контраст получился отменным, и я, закрыв глаза и расслабившись, откинулась на жесткую скамью в столовой базы ВВС. База была почти пустой, поскольку большая часть ее обычных обитателей была занята оказанием чрезвычайной помощи пострадавшим от падения метеорита.

О поверхность стола рядом звякнула посуда, и до меня донесся восхитительный аромат шоколада.

Я открыла глаза и увидела, что на скамейке напротив устроился майор Линдхольм.

То, как я представляла его себе, не имело ни малейшего отношения к реальности. Судя по его голосу, я ожидала увидеть коренастого нордического блондина за пятьдесят, но настоящий же майор Линдхольм оказался чернокожим. Это был крепкий мужчина хорошо за тридцать, с

темными волосами, все еще примятыми после снятия шлема. Вокруг его подбородка и носа краснел треугольник от лицевой маски.

И он принес горячий шоколад.

Натаниэль, опустив вилку, посмотрел на три дымящиеся кружки на столе перед нами. И, не таясь, сглотнул.

– Вы принесли нам горячее какао?

– Да, но не благодарите меня. Какао – это взятка. Мое какао не чета тому, каким снабжают ВВС. Оно добыто из того же тайника, из которого черпает его моя женушка, отправляя меня на работу. – Линдхольм пододвинул две кружки к противоположному краю стола, где мы с мужем и сидели. – Это какао, как я надеюсь, позволит мне задавать вам вопросы о ракетах.

– Если бы вы еще не были женаты... – попыталась пошутить я, и моя рука сомкнулась вокруг теплой кружки, прежде чем я поняла, что сказала. Я надеялась, что Линдхольм не обиделся.

Слава богу, он от души рассмеялся.

– У меня есть брат...

Мое сердце немедленно сжалось.

Чтобы продолжать жить, мне, хотя и ценой невероятных усилий, хотя и всего лишь на время, удалось заглушить в голове мысли о семье.

Но был же еще и брат! Был брат, и жил он в Калифорнии!

Впервые после катастрофы, должно быть, мне пришлось в голову, что Гершель, несомненно, полагает, что и я мертва.

Я с трудом, но все же вдохнула, и мне удалось даже выдавить из себя подобие улыбки.

– Есть ли поблизости телефон, которым бы я смогла воспользоваться? – спросила я. – Я имею в виду телефон, годящийся для междугородних звонков?

Натаниэль ласково положил ладонь мне на спину.

– Ее семья была в Вашингтоне.

– О боже, мэм. Мне очень жаль.

– Но мой брат живет в Калифорнии.

– Пойдемте со мной, мэм. – Он взглянул на Натаниэля. – А вам кому-нибудь позвонить нужно?

Натаниэль покачал головой:

– Срочности в том нет.

Я последовала за майором Линдхольмом, за мной отправился и Натаниэль. Мы брели по коридорам, которые я едва замечала.

Какой же эгоисткой я была! Утешала себя тем, что Гершель и его семья живут в Калифорнии, а там уж никто от падения метеорита точно не пострадал, но ни разу не подумала, что он считает меня мертвой. Причин полагать иначе у него и быть не могло. Откуда же ему было знать, что, когда упал метеорит, меня в Вашингтоне не было.

Кабинет, в который привел меня майор Линдхольм, был маленьким и по-армейски опрятным, а единственными вещами, говорившими о том, что его владелец все же живой человек, а не бездушная машина, были фотография мальчиков-близнецов в рамке на столе да нарисованная карандашом карта США, приколотая к стене.

Натаниэль закрыл дверь снаружи, оставшись в коридоре с Линдхольмом.

На столе стоял черный телефон с поворотным диском, из чего следовало, что разговаривать с оператором мне не придется. Трубка была теплой и тяжелой. Невольно прислушиваясь к дребезжанию вращающегося диска, я набрала домашний номер Гершеля, но услышала лишь высокий гул перегруженной линии. Это было ожидаемо, но я все же повесила трубку и набрала тот же номер снова.

В трубке снова были гудки, а затем – сигналы «занято».

Едва я повесила трубку, как дверь открыл Натаниэль.

– К нам гость. А у тебя как?

– Не пробилась. – Я провела раскрытой ладонью по лицу, тем самым, вероятно, еще больше размазав по щекам грязь. Я бы отправила телеграмму, но военные связисты наверняка были сейчас по горло заняты. – Попробую позже.

В комнатенку вошел полковник ВВС.

Я поймала себя на том, что пытаюсь привести прическу хотя бы в относительный порядок. Затем увидела человека за знаками различий и немедленно оставила волосы в покое. Ведь это был Стетсон Паркер. Слава богу, на лице моем находилось еще порядком грязи, и о подобающем выражении на нем беспокоиться нужды не возникло.

Этого придурка в очередной раз повысили в звании, что было совсем не удивительно при его недюжинных способностях беззастенчиво лебезить перед любым, кто превосходит его по рангу, и изъяслять вроде бы как самое искренне расположение к тем, в ком он, по его мнению, нуждался.

Именно второе свое свойство в данном случае он и продемонстрировал, протянув Натаниэлю руку со словами:

– Доктор Йорк. Слава богу. Какое облегчение – вы в безопасности. Надеюсь, здесь, на базе ВВС, вы не испытываете каких-либо неудобств.

Паркер сейчас припал к моему мужу оттого, что тот известная личность. Разумеется, муж мой – безмерно красив собой и обаятелен, и с этими утверждениями не поспоришь, но знаменит он по совершенно иной причине. Известен он благодаря запуску спутника. Даже не спутника, а спутников – а их мы, опередив, как единодушно утверждают эксперты, русских на целые десятилетия, отправили уже на различные орбиты целых три, и муж мой – лицо космической Программы НАКА, которая эти спутники и создала.

– Ни малейших. Да и вообще слов нет, насколько радушно обходится с нами майор Линдхольм. Надеюсь, его отменное расположение к себе оценили уже и вы, полковник?..

На кармане кителя полковника была бирка с его именем, но Натаниэль все же устроил целое представление, и это, на мой взгляд, было более чем уместным.

– Извините, извините! Я просто пребывал в эйфории от того, что вдруг узнал, что вы здесь. Но где же мои манеры? – Паркер одарил моего мужа фальшивой улыбкой. – Позвольте представиться. Полковник Стетсон Паркер, командир базы. Хотя... С учетом обстоятельств в зону моей ответственности, похоже, входит уже не только одна эта база.

Конечно же, он сказал это лишь затем, чтобы придать весу занимаемой им должности.

Я шагнула вперед и протянула руку.

– Рада снова видеть вас, полковник Паркер.

Он удивленно поднял брови.

– Мне очень жаль, мэм, но похоже, что вы знаете обо мне больше, чем я о вас.

– Да знаете вы меня, знаете. Я – все та же Элма Векслер. Пилот из отряда «ОС».

Его лицо едва заметно напряглось.

– Ах да. Дочь генерала. Разумеется, я вас помню.

– Поздравляю с повышением. – Я улыбнулась самой лучезарной улыбкой, на какую только при данных обстоятельствах была способна. – И вам, поди, оно нелегко далось.

– Именно, мэм. – Он снова ухмыльнулся и панибратски похлопал Натаниэля по плечу. – И я предполагаю, что маленькая леди тоже получила повышение, став миссис Йорк?

Хотелось скрежетать зубами, но я продолжила говорить, улыбаясь как ни в чем не бывало:

– Вы, сдаётся мне, не имеете представления, кто сейчас ваш непосредственный начальник. А что вы сами скажете о текущей ситуации?

– Ах... – Пыл его вдруг угас, настроение переменялось, и он указал на места с противоположной от себя стороны стола: – Садитесь, пожалуйста.

Паркер занял кресло во главе стола, и только тут я с удивлением поняла, что близнецы-то были его. Интересно, кто же сподобился выйти за него замуж?

Он сложил пальцы домиком и снова вздохнул.

– Взрыв...

– Метеорит, – немедленно возразила я.

– В новостях сообщается иначе. Точно известно, что Вашингтон полностью уничтожен. Ставлю все свои деньги на то, что это – дело рук русских.

Натаниэль склонил голову набок.

– Повышенный уровень радиоактивности хоть где-то зафиксирован?

– Мы не смогли подобраться достаточно близко к месту взрыва, чтобы измерить уровень радиоактивности.

Идиот. Клинический идиот!

Но все же от принимаемых им решений многое сейчас зависит. И я принялась объяснять ему произошедшее по буквам:

– Повсюду падают камни, которые, во-первых, не сложно проверить на наличие радиоактивности. Во-вторых, взрыв атомной бомбы, как известно, куски земной поверхности за пределы атмосферы не выбрасывает. Энергии у атомного взрыва, понимаете ли, для этого недостаточно. Такое происходит только в случае столкновения значительной массы, движущейся на огромной, близкой к первой космической или, быть может, даже значительно превосходящей ее скорости, с земной поверхностью.

Глаза полковника сузились.

– Тогда вот что я вам скажу. В тот день и в Палате представителей, и в Сенате заседал Конгресс Соединенных Штатов, и таким образом все наше Федеральное правительство оказалось уничтожено. А еще и Пентагон, и Лэнгли... Даже если то было Божьим актом или, как вы считаете, метеоритом, разве русские не попытаются воспользоваться свалившейся им с небес благоприятной ситуацией?

Я откинулась на спинку стула и почти судорожно скрестила руки на груди в попытке защититься от внезапно нахлынувшего на меня холода.

Тут к дискуссии подключился Натаниэль:

– Итак, военные планируют оборону?

Слово «военные» он вроде бы и не подчеркнул, но тем не менее дал достаточно ясно понять полковнику, что предстоящим шоу, по его мнению, тому не руководить.

– Разумный вопрос, доктор Йорк... – полковник Паркер сделал паузу, и было явно, что эта пауза выверена до секунды. – Вы работали над Манхэттенским проектом. Я не ошибаюсь?

Натаниэль рядом со мной напрягся. Манхэттенский проект был захватывающим с научной точки зрения, но ужасающим во всех остальных отношениях.

– Не ошибаетесь, но ныне я сосредоточен лишь на исследовании космоса.

Паркер небрежно махнул рукой:

– Сегодняшнее утро у вас выдалось непростым. Понимаю, но все же приглашаю вас на заседание.

– Не уверен, что мне действительно есть что предложить.

– Вы сейчас все же лучший ученый в ракетостроении.

Ни один из нас не нуждался в напоминании о том, что множество людей из НАКА, скорее всего, погибли. Я положила руку на колено Натаниэля, стремясь поддержать его, как прежде поддерживал меня он.

Ненадолго воцарилось молчание, но зная не хуже своего супруга, что НАКА была не единственной ракетной программой в стране, я прервала затянувшуюся паузу:

– Я далека от того, чтобы недооценивать работу своего мужа, но напоминаю вам, что Вернер фон Браун работает в проекте «Подсолнух» в Канзасе.

Паркер презрительно махнул рукой.

Он ненавидел меня. Ненавидел всю свою душой и ненависти своей особо не скрывал.

Он ненавидел меня и прежде.

Ненавидел во время войны, поскольку ему приходилось быть со мной вежливым, и причиной тому был, конечно же, мой отец.

Он ненавидел меня, разумеется, и сейчас, поскольку ему опять приходилось быть вежливым со мной, женой доктора Йорка.

Очевидно, что быть вежливым ему вообще было не по нраву. Возможно, даже с самого рождения. А что касается меня, то чем дольше мы были знакомы, тем сильнее крепла его ненависть ко мне.

А разве могло быть иначе?

– Приятно, мэм, что вы стремитесь помочь, но надеюсь, вы все же осознаете, что вовлекать бывшего нациста, каким и является фон Браун, в вопросы национальной безопасности нельзя. – Полковник Паркер снова, демонстративно не замечая меня, перевел взгляд на Натаниэля. – А каково ваше понимание, доктор Йорк, того, каким образом нам надлежит обеспечить безопасность Америки?

Натаниэль, вздохнув, выдернул нитку из своих порядком пострадавших в последнее время брюк.

– Будь по-вашему. Поприсутствую я сегодня с вами на совещании, но учтите заранее, что блистать умом там вовсе не обещаю.

Он встал. Вознамерилась встать и я, но Паркер покачал головой, а вторя ему, головой покачал и мой муж.

– Отдохните здесь, в моем кабинете, мэм, – елеинным голосом промолвил Паркер. – А майор Линдхольм тем временем организует для вас жилье.

Появившийся будто из ниоткуда майор заявил:

– У нас в доме есть несколько пустующих комнат. Может, разместитесь в них, а не в казенных апартаментах для командированных сюда офицеров?

– Ваше предложение чрезвычайно любезно, майор, – совершенно искренне произнесла я. – Но не будет ли против ваша жена?

– Уверен, мэм, что не будет.

Улыбка Паркера выглядела неожиданно теплой.

– Поздравляю, мэм. Вы оказались в хороших руках. Его жена готовит воистину отменные пироги.

Признаюсь, я была порядком удивлена, неожиданно узрев подлинное товарищество между этими двумя, на мой взгляд, совершенно разными мужчинами. Разумеется, майора Линдхольма я прежде и знать не знала, но Паркера-то знала, и мой собственный опыт общения с ним говорил о невозможности сколь-либо нормальных, а тем более дружеских отношений между ним и кем бы то ни было. А поди ж ты! Бывает.

– Отлично, – изрек Паркер. – Ну, а теперь, покончив с не терпящими отлагательства бытовыми проблемами, двинемся наконец-то на совещание.

Паркер поднялся.

Не то чтобы меня одолевало желание стать участницей совещания, но оказаться полезной хоть чем-то мне все же хотелось, и без особой охоты я тоже поднялась.

– Гм... Простите, мэм. – Паркер непроизвольно дернул на себе галстук. – Признаюсь, совершил промашку – мне ранее следовало поставить вас в известность, что у доктора Йорка уже есть необходимый допуск, поскольку он ранее участвовал в Манхэттенском проекте, а что касается вас, то таковой вы получите, если вообще получите, только после соответствующих проверок.

Допуск, черт его дери!

Но возражать Паркеру не было ни малейшего смысла, и потому я просто села обратно на стул и, откинувшись на спинку, произнесла:

– Что ж. Благослови вас Господь. Конечно же, я все понимаю. Вот просто посижу здесь да подожду.

Услышав мою смиренную речь, Натаниэль удивленно приподнял брови – он знал меня достаточно, чтобы понимать мое настроение. Я мотнула головой, заверяя его, что причин для беспокойств нет. Затем улыбнулась и покорно сложила руки на коленях. Ни дать ни взять скромница, что сидит и ждет.

Сидит и ждет.

Сидит почти неподвижно, позволяя мужу делать за нас обоих всю работу.

И терпеливо ждет, моля бога, чтобы мой благоверный все же пресек попытки распоясавшегося безумца развязать в ближайшее время ядерную войну.

4

*В РЕЗУЛЬТАТЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В ИРАНЕ ПОГИБЛО 90
ЧЕЛОВЕК
ТЕГЕРАН, Иран, 3 марта 1952 года (Агентство «Рейтер»)*

Девяносто человек погибло и не менее ста восьмидесяти получили ранения в результате землетрясений в областях Ларестан и Бестак на юге Ирана. Тегеранское радио объявило сегодня, что причиной землетрясений, несомненно, стало недавнее падение метеорита в Северной Америке.

Солнце неторопливо уходило за горизонт и было ярко-багряным с медными и темно-золотыми прожилками, а нависшее над нами пунцовое небо напоминало марсианское. Закатный свет окрасил все вокруг, и даже белый частокол дома майора Линдхольма выглядел так, словно его обмакнули в кровь. Обычно я бы не хотела никому навязываться, но Паркер меня раздражал. И я слишком вымоталась, чтобы думать, и была даже благодарна за то, что кто-то сказал мне, куда идти.

Натаниэль тянул свою лямку на совещании уже много часов кряду, а разумных доводов оставаться на военной базе у меня уже вовсе не оставалось. К тому же я сегодня вымоталась и была чертовски благодарна майору Линдхольму, который с готовностью взялся отвести меня на место моего нынешнего постоя, то есть к себе домой.

Натаниэль все еще был занят на совещании. Оно тянулось достаточно долго, чтобы убедить меня уйти, и у меня не было никаких оправданий, чтобы оставаться на базе, кроме абсолютной уверенности, что если я уеду, то больше никогда не увижу мужа. Это не то, что произносится вслух. Не в такой день, как сегодня.

Я вылезла из джипа. Пятна от грязи и смазки на моей одежде стали, казалось, видны всем и каждому, и я почти услышала голос матери:

«Элма! Что скажут люди?»

Я вдруг почти физически почувствовала тяжесть утраты и невольно вцепилась в дверцу джипа. Затем взяла себя в руки. Выпрямившись, я проследовала за майором через ворота. Затем по аккуратной дорожке подошла к парадному крыльцу, и едва только мой спутник поднялся на первую ступеньку, как открылась дверь и навстречу нам вышла полная женщина в светло-голубом платье.

Кожа ее была не темнее, чем у Натаниэля к концу лета, черты лица – мягкими и округлыми, а кудри уложены в пышную прическу. За стеклами очков ее глаза были напряженными и красными – очевидно, от беспокойства.

Я с некоторым удивлением осознала, что никогда прежде не бывала в доме чернокожих.

Миссис Линдхольм распахнула дверь пошире и, прижав руку к груди, обратилась ко мне:

– О, бедняжка. Быстрее проходите в дом.

– Спасибо, мэм.

Я поднялась по ступенькам. Пол в доме был покрыт безукоризненно чистым линолеумом «под кирпич», а ботинки мои были столь грязны, что даже и не угадаешь их первоначальный цвет, отчего я сказала:

– Я сниму обувь снаружи.

– Не беспокойтесь. Проходите как есть.

Памятуя, что, если бы я принесла грязь в чужой дом, маме бы за меня было стыдно, я все же села на верхнюю ступеньку и принялась расшнуровывать ботинки. Хозяйку же уверила:

– Мой муж, когда приедет, наследит за нас обоих.

Она рассмеялась.

– Не сомневаюсь. Знаю по жизни, что все мужья одинаковы.

– Я все слышу. Я – прямо здесь, – сообщил остановившийся на той же ступеньке, на которой присела и я, майор Линдхольм и тут же обратился непосредственно ко мне: – Если что понадобится, дайте нам знать. Что угодно. И еще, не волнуйтесь, я непременно прослежу, и доктор Йорк скоро окажется с вами в целости и сохранности.

– Спасибо.

Получи я еще один добрый взгляд, непременно бы расклеилась. Избегая этого, я сосредоточила все свое внимание на шнурках второго ботинка. Стянула его, и оказалось, что даже мои чулки грязны, да и ноги, похоже, немногим чище ботинок.

Миссис Линдхольм спустилась на ступеньку ко мне.

– Я вырастила троих сыновей. Поверьте, уж я-то знаю, что немного грязи – не проблема в доме.

Только не разреветься. Не сейчас. Неглубокое дыхание не давало слезам выплеснуться. Я сглотнула и, ухватившись за перила, поднялась на босые ноги.

– Я действительно не знаю, как вас и благодарить.

– Мы еще ничего толком для вас не сделали. – Она положила руку мне на спину и едва уловимым движением подтолкнула в свой дом. – Сейчас... Подозреваю, что первое, что вам захочется, так это принять горячую ванну.

– По мне, так и холодный душ для меня станет божественной отрадой.

Входная дверь открылась прямо в гостиную. Все предметы мебели здесь стояли либо строго параллельно друг к другу, либо перпендикулярно, и даже безделушки были выровнены по краям полок и столов. В воздухе пахло лимонным средством для чистки мебели и корицей.

– Холодный душ могли бы принять и в казарме. – Миссис Линдхольм поспешила передо мной из гостиной по коридору и открыла первую дверь справа. Большая часть комнаты за дверью там оказалась отдана ванне на когтистых лапах. – Рекомендую ванну с пеной. Думаю, лучше всего подойдет с экстрактами лаванды и роз.

– Полагаю, мне все же следует сначала принять душ.

Она поправила очки, разглядывая грязь, которая запеклась на моей одежде и коже.

– Хм... Пожалуй, вы правы. Но после душа непременно полежите в ванне. Отмокните. Иначе завтра у вас все будет болеть.

– Так и сделаю, мэм.

Учитывая все, выпавшее на мою долю сегодня, я вообще не была уверена, что встану завтра с постели.

– Так. Те полотенца – ваши. – Она взмахом руки указала, какие именно. – И воспользуйтесь пижамой моего старшего сына. – Она положила руку на комплект красной фланелевой пижамы. – Предпочла бы предложить вам свою ночнушку, но, боюсь, она с вас просто упадет. А свою одежду положите вон туда, и я ее живо постираю.

Я кивнула, надеясь, что она воспримет мой кивок как благодарность, но она вышла из ванной и моего кивка то ли не заметила, то ли не придавала ему значения.

Ей придется стирать мою одежду, потому что иначе мне будет нечего надеть...

Мы стали беженцами. Наш дом. Наша работа. Наш банк. Наши друзья. Все было разрушено падением Метеорита.

И если бы Натаниэль не был ученым-ракетостроителем и Паркер отчаянно не нуждался в нем, то где бы мы сейчас оказались?

Я с грустью думала о тех, кто погиб, как мистер Голдман.

А что станет со всеми сотнями и сотнями тысяч выживших, оказавшихся жертвами разрушений?

* * *

Моему выходу из ванной предшествовало вырвавшееся из-за двери облако пара. В одолженной фланелевой пижаме я прокралась по коридору. Брюки были в самую пору, поскольку ноги у меня длинные, но рукава свисали до самых кончиков пальцев. Рукава я завернула на ходу, чувствуя, как бесчисленные порезы на моих пальцах цепляются за мягкую ткань.

В голове было ощущение абсолютной пустоты. Полагаю, я все еще находилась в шоке, чего и следовало ожидать. Но по крайней мере, дрожь в конечностях прекратилась, хотя мир вокруг воспринимался мною словно через пелену.

В гостиной работал телевизор с приглушенным звуком. Стул миссис Линдхольм был придвинут почти к самому экрану, и она, наклонившись вперед, напряженно вслушивалась в сообщения программы новостей. С мерцающего черно-белого экрана смотрел Эдвард Р. Марроу, он сидел за столом, крутя в руке сигарету, и рассказывал о событиях нынешнего дня:

– ...По последним данным, общее число погибших в результате сегодняшнего падения метеорита составило семьдесят тысяч, хотя ожидается, что цифра эта в ближайшее время будет уточнена, после чего, несомненно, выяснится, что реальное количество жертв значительно больше. Сообщается, что без крова остались как минимум пятьсот тысяч человек в штатах Мэриленд, Делавэр, Пенсильвания, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Вирджиния, а также в Канаде и на всем Восточном побережье вплоть до самой Флориды. Сейчас вы видите снимки, сделанные с самолета примерно через пять часов после катастрофы. К сожалению, то, на что вы смотрите, дамы и господа, когда-то было столицей нашей страны.

На экране появилась пузырящаяся, словно гейзер, лужа воды. Камера развернулась, обнажая горизонт, и масштаб изображения стал полностью ясным.

Оказалось, что граница темной почвы представляет собой кольцо выжженной земли диаметром в сотни миль, и берега Чесапикского залива не просто затопило – все побережье перестало существовать. Вокруг простиралось лишь бурное море.

От воды интенсивно шел пар.

Я непроизвольно выдохнула, будто меня ударили в живот.

Миссис Линдхольм повернулась на стуле. Немедленно скрыла собственные страхи и горе. Превратилась в отменную хозяйку.

– Слава богу! Вы, похоже, чувствуете себя лучше.

– Я... Да... – Я сделала шаг к телевизору.

– На Восточном побережье объявлено чрезвычайное положение. Армия, Военно-морской флот, Военно-воздушные силы и Красный Крест мобилизованы и оказывают максимально возможную помощь нуждающимся в том беженцам.

Камера переключилась на кадры с места, где сотрудники гуманитарных организаций собирают беженцев. На заднем плане рядом со своей матерью ковыляла маленькая девочка с ужасными ожогами на руках. Должно быть, Метеорит упал как раз во время утренней перемены.

А я-то думала, что все, что накрутила себе, будет хуже реальности. Оказалось, что я ошиблась и реальность выглядит куда ужаснее, чем любые из моих домыслов.

Миссис Линдхольм решительно выключила телевизор и обратилась ко мне:

– Достаточно негатива. Вам он сейчас категорически противопоказан. То, что вам сейчас необходимо, – это плотный ужин.

– Не хочу быть для вас обузой.

– Чепуха. Я бы не позволила Юджину привести вас, если бы изначально сочла обузой. – Она встала, заткнула носовой платок за пояс юбки и продолжила говорить: – Пойдемте на кухню. Там найдется что-нибудь из еды для вас.

– Благодарю, – только и пробормотала я. Отказываться от еды было бы невежливо.

Мои босые ноги холодил линолеумный пол кухни. Стены с белоснежными подвесными шкафами были выкрашены в мятно-зеленый цвет.

Интересно, убралась ли она после того, как ей сообщили, что здесь появлюсь я, или в стенах ее дома всегда царит столь идеальный порядок?

Она открыла холодильник, и я заподозрила последнее, поскольку вся еда там была в одинакового размера разноцветных пластиковых контейнерах. Должно быть, у нее был друг (или подруга), который продавал такие.

– Как насчет сэндвича с ветчиной и сыром? – спросила меня она.

– Может, просто с сыром?

– После такого дня, что вам выпал? Несомненно, вам нужен белок.

Мама говорила, что всегда лучше поскорее расставить точки над «i», следуя ее наставлению, я заявила:

– Я и мой муж – евреи. Мы не ортодоксы, но свинины тем не менее не едим.

Она приподняла брови.

– В самом деле? Что ж... Взглянув на вас, никогда бы не догадалась.

Я была гостем в ее доме, и идти мне было некуда, а она исходила из самых благих побуждений. В общем, я сглотнула и, улыбнувшись, сказала:

– Просто сыр с хлебом для меня сейчас были бы в самый раз.

– А как насчет еще и тунца?

– Звучит более чем заманчиво.

Она вытащила из холодильника бледно-розовый контейнер.

– У Юджина на обед всегда тунец, так что кусочек-другой непременно найдется.

– Помочь вам чем-нибудь?

– Просто сядьте. – За первым последовал еще один контейнер, на этот раз зеленый. – Было бы труднее растолковать вам, где что находится, чем просто извлечь то, что требуется.

На стене у холодильника висел настенный телефон тускло-коричневого цвета. Меня словно ударили по затылку кирпичом, и причиной тому было чувство вины.

– Могу ли я... Позволите ли вы мне сделать междугородний звонок... – Я замолчала, поскольку понятия не имела, когда смогу его оплатить.

– Конечно же. Мне выйти?

– Нет. Вовсе ни к чему, – сказала я, но слова мои были ложью. Разумеется, мне отчаянно хотелось уединения.

Она положила сэндвичи на стойку и указала на телефон.

– Линия армейская, выделенная, так что вас не подслушают. Это одно из многочисленных преимуществ пребывания в доме майора. Надеюсь, согласны со мной?

Я послушно кивнула и подошла к телефону, желая, чтобы он был в другой комнате или чтобы изначально мне все-таки хватило смелости сказать ей правду. После того как я набрала номер, то снова услышала проклятый сигнал «занято». Мне удалось не выругаться. Ну... Во всяком случае, не вслух.

Я попробовала еще раз, и тут вдруг пошли длинные гудки.

Я, почти лишившись сил, прислонилась к стене. С каждым гудком я молилась:

«Пожалуйста, пусть они сейчас будут дома. Пожалуйста, пусть они окажутся дома. Пожалуйста...»

– Алло? Векслер слушает, – голос моего брата был спокойным и деловитым.

Мой же голос оказался надтреснутым:

– Гершель? Это – Элма.

Последовал прерывистый вздох, а затем – лишь треск междугородней линии.

– Гершель?

Я никогда прежде не слышала, чтобы мой брат рыдал. Даже когда он рассек себе колено до кости. Тем временем на заднем плане Дорис, его жена, задала какой-то вопрос – вероятнее всего: «Что случилось?»

– Элма. Неужели... Неужели ты жива! Хвала Господу. Ты жива! – Он вновь приблизил губы к микрофону, и его голос стало слышно вполне отчетливо. – Мы видели новости. Что?.. Как насчет мамы и папы?

– Их с нами больше нет. – Я прижала руку к глазам и прислонилась лбом к стене. Позади меня миссис Линдхольм делала бутерброды совершенно бесшумно. Следующие слова мне пришлось из горла выдавить: – Нас с Натаниэлем в городе тогда не было, а мама и папа находились дома или где-то поблизости.

Его дыхание сотрясало мое ухо. После паузы послышалось:

– Но вы с Натаниэлем живы.

– Да, живы. А ты знаешь... Как дела в Чарлстоне?

– Знаю из новостей, что на город обрушилось несколько цунами, но многие жители все же оттуда вовремя эвакуировались. – После непродолжительной паузы он таки ответил на невысказанный мною вопрос: – Ничего ни о бабушке, ни о ком-либо из тетюшек не слышал.

– Что ж... Связь ныне никудышная, но надежда все же остается. Попробуем до них еще дозвониться.

Дорис что-то сказала, и голос Гершеля на мгновение стал приглушенным.

– Что? Да... Да, непременно спрошу.

Из них двоих его жена всегда оказывалась более организованной, и так было уже тогда, когда они только начали встречаться.

Я улыбнулась, представив себе список вопросов, который она, вероятно, составляла прямо сейчас. И мой брат эти вопросы принялся мне задавать:

– Где ты? Тебе что-нибудь нужно? Ты не ранена?

– Мы находимся вблизи базы Райт-Паттерсон в Огайо. Мы в доме Линдхольмов, которые приняли нас сегодня. Так что не волнуйся, обо мне заботятся. – Я оглянулась через плечо. Миссис Линдхольм разрезала бутерброд на аккуратные четвертинки и обрезала корочку. – На самом деле нам уже пора закругляться, поскольку я звоню по ее телефону.

– Впредь звони мне за мой счет.

– Завтра обязательно попытаюсь. Надеюсь, что линия не окажется занятой. Передай привет Дорис и детям.

Я повесила трубку и застыла, уткнувшись головой в стену, будто надеялась, что мятно-зеленая краска охладит мой лоб. Транс мой продолжался недолго.

Рядом скрипнул стул. Похоже, миссис Линдхольм села. Вспомнив, как папа всегда говорил, что манеры важны как для офицера, так и для леди, я собралась с силами и выпрямилась. Обратилась к миссис Линдхольм:

– Спасибо. Мой брат был очень обеспокоен.

– Ясное дело. Я бы тоже места себе не находила.

Она положила бутерброд на ярко-бирюзовую тарелку, а затем тарелку поместила точнехонько на середину салфетки, что лежала на столе максимально близко ко мне. Рядом с тарелкой оказался наполненный почти до краев запотевший стакан с водой.

Обычная кухня с тикающими часами на стене и едва слышно гудящим холодильником. И добрая женщина с бутербродами и салфетками. Все это казалось совершенно отделенным от мира, в котором я пребывала весь сегодняшний день.

Я села, а стул подо мной податливо закрипел. Как меня и учили, положила салфетку на колени и взяла первую четверть сэндвича.

Мне повезло. Повезло в основном благодаря тому, что у нас был самолет и нам удалось вовремя унести ноги из опасной зоны.

– Как вам мой сэндвич? – слышалось вдруг рядом.

Оказалось, что четверть его я уже съела, даже не заметив. Я на секунду прислушалась к своим вкусовым рецепторам, явственно ощутила во рту устойчивый привкус не слишком свежей рыбы и подгнивших соленых огурцов.

Я улыбнулась своей хозяйке и уверено заявила:

– Ваш сэндвич – просто восхитителен!

5

*НА ВЕНЕСУЭЛУ ОБРУШИЛОСЬ ЦУНАМИ
КАРАКАС, Венесуэла, 4 марта 1952 года (Агентство Ассошиэйтед
Пресс)*

Цунами, которое, несомненно, было вызвано падением у побережья Северной Америки метеорита, обрушилось на порт Ла Вела-де-Коро. Правительство сегодня сообщило, что порту нанесен значительный ущерб, а многие стоявшие у причала или на якоре суда были частично или полностью разрушены или вовсе выброшены на берег.

Кроме того, серьезно пострадали, оказались полностью уничтоженными или даже унесены цунами в море множество домов вдоль побережья. Количество жертв и пострадавших уточняется.

Очевидно, я заснула прямо на диване. Проснувшись от прикосновения Натаниэля к своему лбу. Из кухни в темную гостиную проникал призрачный свет, падая на белую рубашку Натаниэля. Натаниэль был чист – очевидно, недавно принял душ, и мне даже на мгновение показалось, что мне видится сон.

– Привет! – Он улыбнулся и бережно откинул прядь с моего лба. – Останешься спать здесь или перейдешь со мной в спальню?

– Когда ты вернулся домо... Как давно ты приехал? – Я села и принялась разминать затекшую шею. На мне оказался накинутым вязаный шерстяной плед миссис Линдхольм.

– Только что. Меня любезно сюда доставил майор Линдхольм. – Натаниэль кивнул в сторону кухни. – Сейчас он сэндвич себе там варганит.

– А ты уже что-нибудь поел?

Он кивнул.

– Нас всех на собрании накормили.

Натаниэль протянул мне руку и помог подняться на ноги. Все порезы и ушибы, полученные мною за день, немедленно дали о себе знать. Я принялась складывать плед, и мои руки тоже отзывались болью.

Не слишком ли рано было принимать еще одну таблетку аспирина?

– Сколько сейчас времени? – спросила я.

– Почти полночь.

Если муж только-только возвратился, ситуация, следовательно, в самом деле не из лучших. В сумраке прочесть что-либо по выражению его лица было толком невозможно.

Майор Линдхольм на кухне поскреб ножом по тарелке. Я опустила сложенный вчетверо плед на диван.

– Давай отправимся напрямиком в спальню.

Я двинулась вперед, и он по тускло освещенному коридору последовал за мной в комнату, в которой нас поселила миссис Линдхольм. Комната принадлежала ее старшему сыну, Альфреду, сейчас учившемуся в Калифорнийском технологическом на инженера.

На стене здесь висел вымпел «Леопардов» – очевидно, спортивной команды из его средней школы; на столе располагалась частично собранная из деталей конструктора модель; на книжной полке теснилась коллекция книг Жюль Верна – наверное, такая же, что осталась и в моей детской комнате. Все остальное здесь было либо клетчатым, либо красным и появилось в этой комнате, как я подозревала, под непосредственным влиянием его матери.

Дверь закрылась, муж мой притянул меня в свои объятия, и я, прильнув к нему всем телом, прижалась щекой к его груди. Натаниэль положил подбородок мне на голову и провел руками по моим волосам. От него пахло незнакомым мятным мылом.

– Ты принимал душ на базе?

Он кивнул, и его подбородок потерся о мой затылок.

– Я заснул прямо за столом, отчего был сделан вынужденный перерыв. Я взбодрился холодным душем и больше уже на совещании не засыпал.

Отстранившись, я посмотрела на него снизу вверх. Тени вокруг его глаз, казалось, стали гораздо темнее, глубже.

Ублюдки! Отлично зная, через что он сегодня прошел, не давали ему отдохнуть!

– Но домой тебя не отправили?

– Предложили. – Он сжал мои плечи, а затем отпустил меня и, расстегивая рубашку, побрел к кровати. – Я сам отказался. Опасался, что если уйду, то полковник Паркер вытворит какую-нибудь глупость. К сожалению, он все еще это может.

– Он – придурок.

Натаниэль, перестав выпутываться из рубашки, произнес:

– Ты вроде бы упомянула, что и прежде его знала.

– На войне он был пилотом. Командовал эскадрильей и всеми фи-и-ибрами души ненавидел женщин, что летали на ЕГО, как он считал, самолетах. Ненавидел нас всех. Но каждую не обходил своим вниманием – каждую без разбора лапал, а то и силком норовил затащить в постель.

Очевидно, произносить последние слова мне не стоило. Особенно сейчас, когда мой муж был чертовски измотан.

Он выпрямился так быстро, что я даже было подумала, что он разорвет свою рубашку.

– Что?!

Успокаивая его, я воздела руки.

– Со мной он подобного себе не позволял. И ни с одной из женщин моего отряда. Во всяком случае, после того, как я поговорила с папой. – Я пожала плечами. – Все же быть дочерью генерала временами полезно.

Он фыркнул и теперь спокойно снял с себя рубашку.

– Теперь многое стало понятным. – Его спину покрывали многочисленные ссадины и синяки. – Уверен, что все же убедил его в том, что причиной катастрофы была не атомная бомба, но он вопреки моим стараниям теперь полагает, что метеорит был нацелен на нас русскими.

– Они же даже еще планету не покинули.

– Я указал на это. – Он вздохнул. – Хорошая новость заключается в том, что цепочка командования не столь глобально нарушена, как в том поначалу уверял нас полковник Паркер, и из Европы возвращается генерал Эйзенхауэр. Предполагается, он прибудет сюда уже завтра утром.

Я взяла у Натаниэля рубашку и повесила ее на спинку стула.

– Сюда? В Райт-Паттерсон или просто в Америку?

– Именно сюда, поскольку эта – ближайшая к эпицентру взрыва неповрежденная военная база.

Так, видимо, и было, поскольку мы находились чуть более чем в пятистах милях от места падения.

* * *

Утром я впервые узрела, какими мы явим себя в старости.

Натаниэль не смог самостоятельно подняться с постели с первой попытки. Во время землетрясения в него угодили пусть и мелкие, но все же в немалом количестве осколки и обломки, и теперь спина его представляла собой скопище гематом и ушибов, изображения которых отлично проиллюстрировали бы один из медицинских учебников моей мамы, но жизнь живого человека делали невыносимой. Я пребывала в состоянии немногим лучше. Единственный раз, если мне не изменяет память, я чувствовала себя хуже лишь тем злополучным летом, когда слегла с тяжелейшей формой гриппа. Тем не менее я встала и была совершенно уверена, что как только начну активно двигаться, то скоро обрету вполне пристойную форму.

Натаниэлю потребовалось целых две попытки, чтобы принять сидячее положение на краю кровати.

– Тебе необходим отдых, – заявила ему я.

Он покачал головой:

– Никак нельзя. Выйду из игры – и Паркер непременно повлияет на генерала Эйзенхауэра.

Мой глупый муж протянул руки, и я подняла его на ноги. Я немедленно его заверила:

– Генерал Эйзенхауэр, по-моему, не тот человек, повлиять на которого способен идиот.

– Даже гении, случается, совершают идиотские поступки, когда не на шутку напуганы, – возразил мне он.

Знаю я своего мужа. Он из тех, кто будет работать до самой смерти. И это одно из тех качеств, за которые я его и люблю.

Он потянулся за рубашкой и поморщился. Я подала ему банный халат, одолженный нам гостеприимными хозяевами.

– Примешь для начала душ? Глядишь, он тебя взбодрит.

Он кивнул, а затем, позволив мне оказать ему помощь, облачился в халат и зашаркал по коридору.

Я пошла на кухню в надежде отыскать там миссис Линдхольм. Безошибочно узнаваемый аромат жарившегося бекона встретил меня еще до того, как я переступила порог.

Линдхольмы были добрыми людьми, и, если бы не они, спать бы нам в чистом поле. Ну... или, на худой конец, в самолете.

Линдхольмы говорили в кухне, и о беконе я немедленно позабыла.

– ...все время думаю о девочках, с которыми в школу ходила. Перл уж точно была в Балтиморе, – голос миссис Линдхольм сорвался.

– Ну вот, а теперь...

– Извини. Я веду себя как дура. Тебе малиновый или клубничный джем?

Я заскочила в кухню, пока обсуждаемая там тема была еще безобидной.

Миссис Линдхольм суежилась у стойки, стоя ко мне спиной, супруг ее сидел за кухонным столом. В правой руке дымилась чашка с кофе, в левой же у него была газета, но он хмуро смотрел поверх ее страниц на свою жену.

Когда я вошла, он огляделся, натянуто улыбаясь, и спросил меня:

– Мы не разбудили вас прошлой ночью?

– Натаниэль разбудил, и то было к лучшему, а иначе бы мне к утру основательно шею свело.

Мы обменялись необходимыми любезностями, а он тем временем подал мне чашку кофе.

Следует ли мне объяснять всю прелесть чашки свежего горячего кофе, полученной вовремя? Густой благоухающий пар, поднимающийся от чашки, окончательно разбудил меня еще до того, как моих губ коснулась первая восхитительно горькая капля.

Я вздохнула и расслабилась на стуле.

– Спасибо.

– Что скажете насчет завтрака? Яйца? Бекон? Тосты? – Миссис Линдхольм достала из буфета тарелку. Ее глаза слегка покраснели. – Есть еще и грейпфрут.

– Яйца и тосты были бы как нельзя кстати. Если, конечно, можно.

Майор Линдхольм сложил газету и отодвинул ее от себя.

– Миртл упомянула, что вы – евреи. Прибыли сюда во время войны?

– Нет, сэр. О... – Я подняла глаза, поняв, что миссис Линдхольм поставила передо мной тарелку с яйцами и тостами. Яйца были поджарены на жиру от бекона. Пахли они просто восхитительно. Черт возьми! Неторопливо намазывая маслом тост, я собралась с мыслями и сообщила: – Моя семья переехала сюда в самом начале восемнадцатого века и поселилась тогда в Чарлстоне.

– Вот как? – Он отхлебнул кофе. – Никогда до войны не встречал еврея.

– Наверняка встречали, да только рога у него были искусно спрятаны, вот вы его и не заметили.

– Ха! – Он хлопнул себя по колену. – Справедливое замечание.

– На самом деле моя бабушка... – Тосты с маслом требовали всего моего внимания, и потому говорила я нерасторопно: – Моя бабушка и ее сестры корней своих не обрубали и общаются дома на идише.

Миссис Линдхольм устроилась на стуле рядом и во все глаза наблюдала за мной, будто я – экспонат на выставке.

– И они... – Она слегка нахмурилась, от чего тут же углубились морщины на ее лбу. – Ну, вы сказали Чарлстон. Там же – южный акцент.

Я усилила южное произношение, которое научилась неплохо смягчать, живя в Вашингтоне, и выдала с сильным чарлстонским, включив туда же и знакомое мне на идише:

– Ы все хатит пройти на Рош Ха-Шана? Ну, мазл тов, ы все!

Линдхольмы дружно засмеялись, и по их лицам даже потекли слезы.

В дверном проеме появился Натаниэль. Двигался он сейчас уже более-менее сносно.

– Пахнет чем-то замечательным, – произнес он и занял свободный стул у стола.

Миссис Линдхольм вскочила и поставила перед ним тарелку.

Далее мы не торопясь завтракали, а майор добродушно разглагольствовал ни о чем. Мы все отчаянно старались. Старались завтракать как ни в чем не бывало, но на столе перед нами передовицей вверх лежала газета с фотографией Нью-Йорка, превратившегося в обезображенную Венецию, где улицы представляли собой водные каналы, ограниченные по сторонам небоскребами с выбитыми окнами нижних этажей.

Наконец майор Линдхольм посмотрел на настенные часы. Часы показывали без десяти девять. Майор оттолкнулся от стола и произнес, вроде бы не обращая ни к кому:

– Ладно. Нам пора.

Натаниэль немедленно вскочил на ноги.

– Спасибо за завтрак, миссис Линдхольм.

– Не за что. – Она поцеловала мужа в щеку. – Приятно, когда поговорить есть с кем, а не только с обратной стороной газеты.

Майор рассмеялся, и было понятно, почему она влюбилась в него.

– Что вы, дамы, запланировали на сегодняшний день?

– Ну... – Она взяла его тарелку и положила ее на тарелку Натаниэля. – Наверное, возьму миссис Йорк с собой в город, пройдемся по магазинам.

– По магазинам? – Я схватила тарелки и последовала за ней к мойке. – Я-то вообще намеревалась отправиться с Натаниэлем.

Она наклонила голову и уставилась на меня так, словно я внезапно заговорила по-гречески.

– Но вам обоим нужна новая одежда. Вашу я постирала, но она даже после стирки пребывает в таком виде, что использовать ее можно разве что для работы во дворе, да и то когда соседи не видят.

Меня отряжают за покупками, когда привычный нам мир только-только канул в небытие.

Натаниэль, очевидно, узрел мой пораженный взгляд, но истолковал его по-своему, хотя, разумеется, вполне рационально.

Ведь мне казалось, что я думаю не о деньгах!

Хотя и о них тоже. Вернее, об их отсутствии.

– Нет проблем, Элма, – заявил мой благоверный. – Мой трудовой статус пока точно не определен, но полковник Паркер все же выдал нам с тобой пособие на одежду. Так что на самое необходимое хватит. А на базе тебе сегодня в любом случае делать нечего.

В том-то и была проблема, что на базе, по крайней мере по мнению ее руководства, мне делать было нечего.

И не только сегодня, но и в дальнейшем.

И изменить такое положение вещей мне было не по силам.

* * *

Миссис Линдхольм остановила свой «Олдсмобиль» перед магазином в центре Дейтона. В полотняном навесе над одной из витрин магазина зияла дыра, а витрины были покрыты тонким слоем песка, но за стеклами там все же были видны элегантные платья ярких расцветок.

Я вышла из машины. Посмотрела на людей, идущих по улице. Они, несомненно, по-прежнему жили своей обычной жизнью. Жили, будто ничего и не произошло.

Нет, не совсем так. Рядом меж собой беседовали люди. Небольшая группа, но, казалось, разговаривающие стоят ближе друг к другу, чем обычно. И еще, над парикмахерской по соседству был приспущен флаг. Да и самое очевидное – тот же самый мелкий песок, который прилип к витрине магазина, покрывал все вокруг.

Я взглянула на небо, затянутое охристой дымкой, и поежилась.

Миссис Линдхольм заметила мою дрожь, истолковала ее причину по-своему и немедленно предложила:

– Давайте-ка зайдем внутрь прежде, чем вы посинеете от холода.

– Да я и без того уже вся синяя от синяков.

Лицо миссис Линдхольм побледнело.

– Извините! Совсем забыла о том, через что вы прошли.

Иногда мой юмор, как я ни стараюсь, ситуацию не разряжает, и сейчас оказался именно такой случай.

– Да это я должна извиниться. Просто... Просто моя шутка была неудачной.

– Нет, вина моя. Так что извините меня вы.

– Вина вовсе не ваша, и вам не за что извиняться.

– Я была легкомысленна.

– Я... – Я несколько притормозила свою речь и прищурила глаза. Затем продолжила: – Напоминаю вам, что я – южанка, и вы в битве вежливости меня нипочем не одолеете.

Она засмеялась, а люди на тротуаре рядом повернулись к ней, будто решили, что она грязно выругалась.

– Перемирие? – спросила меня она.

– Безусловно. – Я указала на дверь. – Может, войдем?

Все еще смеясь, она толкнула дверь, от чего внутри магазина пронзительно звякнул колокольчик.

У огромного напольного радиоприемника стояла и внимательно слушала трансляцию чернокожая продавщица лет шестидесяти с абсолютно белыми, то ли седыми, то ли намеренно обесцвеченными волосами. При звоне колокольчика она оглянулась, но тут же снова перевела взгляд на радиоприемник. А тот вещал:

– ...пожары от вчерашнего падения метеорита распространились на триста пятьдесят квадратных миль...

Продавщица все же обратила на нас свое внимание. Даже улыбнулась, будто только что вспомнив, как это делается, и поинтересовалась:

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

Взгляд ее остановился на мне, и улыбка ее стала напряженной.

И было от чего: вьевшуюся грязь на моем свитере стирка толком не взяла, и я, должно быть, выглядела давно не мывшейся бездомной.

Маме за меня, несомненно, было бы стыдно.

Я сглотнула. Хотела было вернуться к машине, но вовремя поняла, что поставлю таким своим поведением миссис Линдхольм в крайне неловкое положение, и поэтому просто застыла, словно парализованная, у двери.

Миссис Линдхольм меж тем указала на меня:

– Моя подруга еще вчера была на Востоке.

На Востоке. От этих слов глаза продавщицы расширились, а брови приподнялись. Должно быть, от жалости.

– Вы ж бедняжка! – с самым искренним чувством произнесла продавщица, а глаза ее немедленно засветились любопытством. – А где именно вы были?

– В горах Поконо.

Миссис Линдхольм сняла с вешалки темно-синее платье и сообщила:

– У нее нет ничего, кроме одежды, что на ней.

Из-за стеллажей появилась белая женщина средних лет.

– Вы действительно там были? И метеор видели?

– Не совсем. Метеорит распался в атмосфере перед ударом. И мы находились в трехстах милях оттуда.

Она уставилась на мое лицо, будто полагала, что порезы и синяки дадут ей карту моего конкретного местоположения тогда.

– У меня семья на востоке.

– У меня тоже. – Я схватила платье с вешалки и побежала в раздевалку.

Дверь с жалюзи захлопнулась за мной, скрыв от посторонних взглядов, но, к сожалению, не от звуков.

Я опустила на крошечную скамейку и зажала рот обеими руками. Каждый вдох причинял мне боль, и, борясь с рвущимися из горла рыданиями, я принялась мысленно произносить число Пи:

– 3,14159265...

– Она и ее муж прилетели прошлой ночью. Она, как я понимаю, потеряла всех своих, кроме брата.

– Вот же ужас!

– ...35897932384...

Почти каждый знал кого-то «на Востоке», и я, разумеется, была не единственным человеком, кто недавно потерял семью.

Продавщица поделилась:

– В новостях слышала, что в ближайшее время здесь объявится немерено метеоритных беженцев из Райт-Паттерсона.

«Метеоритный беженец». Вот кем я, оказывается, сейчас являюсь. Первым таким беженцем, которого здесь увидели. А еще, несомненно, будут прибывать и прибывать прочие.

– То же самое говорит и мой муж. – Миссис Линдхольм, казалось, была в моей гардеробной, а не за ее дверью. – Я чуть позже сегодня же отправлюсь в больницу базы и запишусь там добровольцем.

– Надеюсь, у вас там все сложится.

Доброволец. И я бы таким стала. Могла бы лететь с беженцами на борту с Востока или делать перевязки. Или оказывать любую помощь, какая там еще нужна. Я делала подобное во время войны, и причин не делать этого снова не имелось.

– По радио у вас сейчас канал Си-би-эс?

Я вытерла глаза и встала. Оглядела ненароком схваченное мною платье. Расцветкой оно было в горошек, а размером годилось скорее на карандаш, чем на меня.

– Гхм... Говорят, что нашли выжившего члена кабинета министров. Давайте сделаем погромче. Дамы, не возражаете?

Я взглянула на себя в зеркало: множественные порезы по всему лицу и рукам, а оба глаза припухли и были обведены черными кругами. Чуть ранее я полагала, что выгляжу бездомной, но оказалось, что из зеркала на меня глядит какой-то упырь.

Короче, я выглядела так, словно удара вовсе и не пережила.

– ...и эти следующие один за другим цунами также затопили Карибский бассейн, оставив многие страны без воды и электричества. Предполагается, что число разрушенных зданий в этом регионе исчисляется сотнями тысяч, и...

Я открыла дверь гардеробной и созналась:

– Простите, так глупо вышло – это не мой размер.

Ко мне подошла продавщица, и мы с ней обсудили размеры и текущую моду, а меж тем до нас из радиоприемника явственно доносились сообщения программы новостей. Словно концерт во время пожара...

6

ЖИТЕЛИ ИНДИИ ПРЕДЛАГАЮТ МИССИС РУЗВЕЛЬТ СВОЮ ПОМОЩЬ

Вопросы, задаваемые представителями прессы, однозначно свидетельствуют о том, что во всем мире усиливается сочувственное, дружеское отношение к США.

Таймс НЬЮ-ДЕЛИ, Индия, 4 марта 1952 года

Ответы на вопросы, заданные вдове бывшего президента США Франклина Д. Рузвельта, г-же Элеоноре Рузвельт, индийскими журналистами на сегодняшнем обеде ассоциации прессы Дели в ее честь, выявили, насколько значительными оказались разрушения в Соединенных Штатах после падения метеорита в начале этой недели, и обед, первоначально задуманный как встреча в знак гостеприимства, вылился в полномасштабные переговоры, наиболее обсуждаемыми вопросами на которых стали предложения помощи Соединенным Штатам.

Погода после полудня испортилась – стало совсем пасмурно, и миссис Линдхольм любезно высадила меня у самых дверей штабного блока. Напоследок она спросила:

– Уверена, дорогая, что все же не хочешь отправиться домой и отдохнуть там?

– Спасибо, но я в самом деле чувствую себя гораздо лучше, когда активна.

Она поджала губы, но, к чести своей, спорить со мной не стала и лишь сообщила:

– Если понадобится, то ищите меня в больнице базы. Не забудьте поесть.

– Слушаюсь, мэм.

Она отъехала, а я помахала ей вслед рукой.

Все покупки были хороши, да и, признаюсь, в чистой одежде и с косметикой на лице, скрывшей худшие из моих синяков, я себя чувствовала намного лучше. Но пока мы гуляли по городу, меня не оставляло ощущение, что все происходящее – чей-то нелепый розыгрыш. Так как в каждом посещаемом нами магазине радио или телевизор были настроены на новости, из которых я и узнала, что штата Делавэр уже фактически не существует, а единственным членом кабинета министров, о котором доподлинно стало известно как о выжившем, оказался министр сельского хозяйства.

В голове у меня непрерывно крутилось:

«Беженцы... Их необходимо перевезти, а я способна пилотировать самолет».

Итак, я поправила ярко-красный пояс на своем новом темно-синем платье в горошек и направилась внутрь в надежде разыскать там полковника Паркера. Общаться с ним мне, сказать по правде, вовсе не хотелось, да только он здесь был тем единственным, кто знал мой послужной список.

Я постучала в его дверь. От несильных ударов костяшками моих пальцев дверь сама собой приоткрылась. Очевидно, она не была заперта. Я распахнула дверь. Полковник Паркер сидел за своим обширным письменным столом, склонив голову. Что-то читал, и, клянусь, губы его при этом потешно шевелились.

Он поднял на меня глаза, но из-за стола даже привстать не соизволил.

– Миссис Йорк?

– Я видела в новостях, что Военно-воздушные силы мобилизуются для помощи беженцам.

Не дожидаясь приглашения, я вошла и села. Сделала я это исключительно ради того, чтобы он не попал в неловкую ситуацию, сообразив чуть позже, что немедленно не предложил леди стул.

– Что верно, то верно. Но не волнуйтесь, вашего мужа в войска не забреют.

– Поскольку он не состоит на действительной воинской службе и отродясь в ВВС не служил, ваше заявление меня ничуть не удивляет. – Я неторопливо выдохнула, пытаюсь избавиться от раздражения. – Я предлагаю *свою* помощь. Учитывая, что многие из наших людей все еще находятся в Корее, я подумала, что дополнительный пилот сейчас окажется вам как нельзя кстати.

– Ну, сейчас... Ваше предложение весьма любезно, но армия действительно неподходящее место для леди.

– Среди беженцев много женщин, и поскольку у меня есть личный опыт пилотирования...

Он, подняв руку, остановил меня. Затем не торопясь, с расстановкой заговорил:

– Я высоко ценю ваше рвение, но толку в нем не вижу. Довожу до вашего сведения, что генерал Эйзенхауэр отзывает все наши войска, а также уже имеет место значительный приток помощников из войск ООН. Таким образом, выходит, что армия в вас пока не нуждается, но если окажется иначе, то вас о том своевременно известят.

– А как же Корея?

– Получен приказ полностью прекратить там все боевые действия. – Он принялся многозначительно шелестеть бумагами на столе. – А теперь, уж извините, меня ждут неотложные дела.

– И все же, пока пилоты из Кореи не вернутся, у вас, несомненно, будет в таковых нехватка.

– Вы что же, всерьез полагаете, что я зачислю вас в регулярные войска Военно-воздушных сил США и позволю летать на наших самолетах? И думать о подобном позабудьте. Пилотировать ваш собственный самолетик я вам, конечно же, не запрещаю, да только он, насколько мне известно, при посадке был значительно поврежден и к полетам пока непригоден... – Полковник Паркер, презрительно хмыкнув, изобразил на лице подобие сожаления. – Боюсь, более помочь вам ничем уже не сумею.

– Что ж. – Я встала. – Спасибо, что уделили мне время.

– Всегда к вашим услугам. – Он вновь выразительно оглядел бумаги у себя на столе. Затем поднял голову и вновь заговорил: – Рекомендую вам направить свои непомерные силы на уход за больными. На мой взгляд, это – самое подходящее занятие для женщин.

– Спасибо за совет, полковник Паркер. Огромнейшее вам спасибо.

К сожалению, он был прав, и правота его меня действительно раздражала. Я от всего сердца хотела помочь, да только навыки, которыми я обладала, были в основном сейчас бесполезны. Что мне остается без самолета? Математическими методами решать проблему, что ли?

* * *

Прибыв в госпиталь, что располагался на территории базы, я поняла, что ситуация тут хуже и быть не может. Или лучше, в зависимости от того, как вы на эту ситуацию смотрите.

А дело обстояло так: только что приземлился самолет с беженцами, и больница оказалась ими затоплена. Мало того, в качестве зоны ожидания снаружи были установлены палатки, и все они были заполнены людьми, прибывшими предыдущими бортами, и в палатках этих многие недавно прибывшие находились уже в течение последних двух дней. Страдания их обременяли ожоги, обезвоживание, рваные раны, переломы костей и просто шок.

Мне вручили поднос с бумажными стаканчиками, наполненными водой с раствором для регидратации, и велели их раздать только что прибывшим. Функции мои были нехитрыми, но лучше уж исполнять такие, чем никаких.

– Спасибо, мэм. – Блондинка покорно взяла бумажный стаканчик с моего подноса и посмотрела вдоль рядов стульев на врачей. – А вы знаете, что с нами будет дальше?

На стуле рядом с ней заерзал пожилой мужчина. Его почерневший левый глаз почти полностью заплыл, а кровь, запекшаяся вокруг носа, ясно свидетельствовала о том, что его совсем недавно одолевало сильнейшее кровотечение.

– Нас отправят в лагерь, полагаю. Знал бы наперед, что меня здесь ждет, остался бы там, где был.

Слово «лагерь» имело в данной ситуации совершенно безобразно-негативный смысл, и было очевидно, что разговоры, подобные тому, что затеял сейчас старик, никому не помогут, и их следует на корню пресечь.

Я протянула старику поднос с бумажными стаканчиками.

– Выпьте, сэр? Напиток, несомненно, восстановит ваши силы.

Боже! Я сама себе поразились! Мой голос прозвучал точь-в-точь как голос моей матери в ее врачебной ипостаси – слащаво-елейно и чрезмерно энергично.

Он презрительно фыркнул и, поморщившись, скрестил на груди руки.

– Ты не медсестра. Медсестры в таких нарядах, как твой, не шеголяют.

В его словах были обидный смысл и подначка, и все же я ему улыбнулась. И тут же призналась:

– Вы совершенно правы. Я не медсестра. Я всего лишь волонтер на побегушках.

Он вновь фыркнул, на этот раз энергичней прежнего. В ноздре у него булькнуло, и снова полилась кровь.

– О черт!

– Отклоните голову назад, – велела ему я и огляделась в поисках хоть чего-нибудь, чем можно было бы остановить кровь.

Молодая женщина немедленно взяла у меня поднос со стаканчиками.

– Ущипните себя за переносицу... – посоветовала я.

– Да знаю я, знаю. Не впервой.

Он все же сделал так, как я ему предложила.

Бледный мужчина в потрепанном деловом костюме, что сидел в коридоре почти напротив, поспешно снял свой галстук и протянул его мне. Линзы его очков были в трещинах, а глаза казались почти остекленевшими.

– Спасибо. – Я прижала шелковую ткань к носу старика и проговорила: – Самая красивая повязка, которую я когда-либо имела удовольствие использовать.

Старик взял у меня галстук и, уставившись в потолок, обронил:

– Пытаешься отвлечь меня.

– Не без того. – Я, наклонившись вперед, взглядела ему в глаза. – А вы о чем хотели бы поговорить?

Он поджал губы, подумал и наконец заговорил:

– Ты вроде бы здесь уже давно, так что представляешь, что к чему. Вот и расскажи мне, старику, начистоту, насколько все обстоит хреново?

– Полагаю... – Я оглядела травмированных людей вокруг. – Полагаю, что сейчас не самое подходящее время и место для обсуждений нынешней ситуации. Скажу лишь, что находитесь вы, несомненно, в куда более лучшем положении, чем многие. Есть ли у вас на уме еще какая тема?

– Будь по-твоему. – Он слегка усмехнулся, и у меня возникло ощущение, что он наслаждается выбранной им ролью сварливого старикана. – Что думаешь о Чарльзе Ф. Брэннانه?

– О ком, простите?

– О министре сельского хозяйства. – Он отстранил галстук от своего носа, не торопясь оглядел его, а затем прижал опять, но уже другим местом – чистым, и продолжил беседу: – Насколько я слышал, во время падения метеорита он осматривал самую успешную ферму в Канзасе. Если не найдется кого-нибудь другого в очереди преемственности, то, похоже, он станет нашим новым президентом.

Бизнесмен, подаривший нам свой галстук, уточнил:

– Если и станет, то не более чем исполняющим обязанности президента, да и то лишь на время.

– Ну, теперь давайте полномасштабную дискуссию по поводу терминов развернем, – произнес старик, все еще глядя в потолок. – Вы, ученые-конституционалисты, вечно убиваете уйму времени на уточнения того, что и так абсолютно ясно.

Речь старика радикально изменилась, и я еще пристальней пригляделась к нему. На нем был пусть и основательно грязный, но все же твидовый пиджак, дополненный заплатами из настоящей кожи на локтях. Профессия его уже не вызывала у меня ни малейших сомнений, и я его спросила:

– Где вы преподавали?

– В Цитадели⁶.

– В Чарлстоне? – Мой голос стал вдруг пронзителен, и ко мне тут же повернулись все поблизости. Я сглотнула и попыталась снова, на этот раз спокойнее: – Вы недавно были в Чарлстоне?

Старик слегка наклонил голову и изучающе оглядел меня здоровым глазом.

– У тебя там родственники?

– Чарлстон – мой родной город.

– Мне искренне жаль... – Он покачал головой. – Когда грянуло, я был в походе с курсантами. Мы забрались далеко в глубь страны, а вернувшись, обнаружили... Ну, в общем, мне очень жаль.

Я, стиснув челюсти, кивнула. Ведь правду-то я уже знала. Знала радиус взрыва, порожденного падением Метеорита. Знала, насколько чудовищные цунами затем последовали. Знала, что шансов было ничтожно мало. Знала, но до сей минуты все же надеялась, и эти тщетные надежды могли меня уничтожить.

* * *

Только поднявшись по лестнице синагоги, я вдруг осознала, что войти внутрь означало для меня признать, что семья моя мертва.

Я замерла на лестнице и вцепилась в пыльные металлические перила.

Целью моего прихода сюда было начать траурные обряды.

Моя семья мертва.

Папа никогда больше не возьмет в руки свою всегда начищенную до блеска медную трубу, а мамино гигантское покрывало с вышивкой крестиком никогда уже не будет закончено. И покрывало, и даже труба, очевидно, обратились в прах, как и все в городе Вашингтон, округ Колумбия.

Мои веки будто сами собой опустились, скрыв кирпичную стену передо мной и низкорослые тисовые деревца, что росли по сторонам лестницы.

⁶ Цитадель, *The Citadel* – военный колледж в Чарльстоне, Южная Каролина. Является одним из шести высших военных колледжей США.

Долго ли я так стояла, не знаю. Вдруг чуть позади меня раздался голос с легким немецким акцентом:

– Вам нездоровится?

Я открыла глаза, повернулась и, вымученно улыбаясь, произнесла:

– Простите. Я вовсе не намеревалась преграждать вам путь.

Стоявший ступенькою ниже мужчина если и был старше меня, то не намного, но на лице его, однако, явственно читался след былой изможденности. Он явно был один из тех немногих, кто пережил Холокост.

– Вы... У вас была семья?

Господи боже мой! Избавь меня от сочувствия незнакомцев!

Я устремила взгляд на янтарную дымку над равнинами Огайо, простирающуюся до самого горизонта. Все же призналась:

– Да. Так что... Так что мне предстоит разговор с раввином.

Он кивнул и проскользнул мимо меня. Отворил дверь и придержал ее передо мной. Жестом пригласив меня войти, проговорил:

– Я здесь по той же причине.

– О... Мне очень жаль.

Я поняла, что вела себя как эгоцентричная дурочка. Очевидно же, что я оказалась не единственной, и множество евреев и евреек совсем недавно, как и я, лишились своих семей... А сколько еще умерло, не оставив никого, кто бы зажег по каждому из них свечу ярзейт и прочитал Каддиш?

Я вошла в фойе. Через открытые двери разглядела успокаивающий свет вечного огня, висящего перед ковчегом в качестве напоминания.

Этот человек... Он, должно быть, прежде чем сбежал из нацистской Германии, перенес массу невзгод и лишений... И вот, когда он уже решил было, что худшее позади, произошло то, что произошло.

И все же он выжил. Как и я.

Вот что нас с ним роднит. Мы оба выжили.

И в нас обоих жива память.

* * *

Трудно сидеть шиву⁷ в доме гоев, и я пошла на компромисс сама с собой и назвала «домом» только нашу спальню. Не объяснять же мне миссис Линдхольм, почему непременно следует закрыть все зеркала во всем доме плотной тканью и зачем скорбящему сиднем сидеть неделю на полу или, по крайней мере, на низенькой табуретке?

В спальню вошел Натаниэль и увидел, как я, расположившись прямо на полу, прикалываю булавкой оторванный кусок ленты к своей сорочке. Ленту я использовала вовсе не потому, что недостаточно скорбела. Просто хотелось избежать разговора о том, зачем я порвала только что купленное.

Плечи Натаниэля поникли. Очевидно оттого, что криа я совершила в одиночку.

Мой муж сел на пол рядом и заключил меня в объятия. Обычай не разговаривать с кем-то в трауре, пока тот не заговорит первым, как оказалось, был наделен огромным смыслом.

А я... Что я? Заговорить я бы тогда не смогла, даже если бы и попыталась. Да и он, подозреваю, тоже бы не смог.

⁷ Сидеть шиву – траурный обряд у иудеев. Продолжается семь дней, в течение которых они (кроме субботы) не выходят из дома.

* * *

Едва закончилась неделя шивы, как я немедленно принялась обзванивать всех механиков, какие отыскились в телефонной книге, но у каждого из них либо не находилось запчастей, необходимых для ремонта моего самолета, либо времени, а скорее, желания этим заниматься.

Ребром встал вопрос, что же мне делать дальше.

Ведь я выжила! И на то, несомненно, была какая-то веская причина, какой-то смысл.

Для начала я стала каждый день ездить с миссис Линдхольм в больницу, где скатывала бинты, начищала сковородки и подавала суп беженцам, а те прибывали и прибывали, и набитый ими под завязку самолетный борт следовал за бортом.

А по вечерам я снова и снова обзванивала механиков, и один из них все же дал мне подобие надежды, пообещав, что если он все же выкроит время, то закажет столь необходимый для моего самолета пропеллер.

Будь Натаниэль днем дома, я бы и его посадила обзванивать механиков, но он постоянно был занят и каждый вечер возвращался домой позже меня.

Через две недели после падения метеорита, а именно в пятницу вечером, он вернулся домой значительно после захода солнца.

Имейте в виду, что до падения Метеорита мы оба особо не придерживались религиозных традиций в отношении субботы, но после... После того – начали, хотя и сами толком не знали почему. Просто так уж нам захотелось, и своим желаниям мы стали, не задумываясь, потакать. Возможно, подсознательно стремясь поддержать преемственность традиций нашего народа.

Я встретила Натаниэля в дверях и взяла у него пальто. Майор Линдхольм – он же Юджин – и Миртл ушли на молитвенное собрание в свою церковь, так что дом на время оказался в полном нашем распоряжении.

– Ты не должен работать после захода солнца.

– Сам знаю, но я же – ужасный еврей. – Он наклонился и поцеловал меня. – Был занят убеждением генералов в том, что нет и опять же нет – русские не могли сбросить на нас Метеорит.

– По-прежнему занимаешься тем же? – Я повесила его пальто на крючок у двери и махнула рукой в сторону кухни, где Линдхольмы оставили включенным свет. – Там найдется кусочек курицы с картошкой на случай, если ты еще ничего толком не ел.

– Ты – моя богиня.

– А ты – действительно ужасный еврей. – Я засмеялась и потащила его на кухню.

Там он со стоном опустился на стул, подался вперед, упер правый локоть в столешницу и положил подбородок на свою раскрытую ладонь.

– Элма, даже и не знаю, как долго еще выдержи эти чертовы совещания. Я там снова и снова повторяю одно и то же. Да разве ж их убедишь? Слава богу, что вызвали представителей ООН, а иначе неизвестно, где бы мы сейчас были.

– Могу ли я тебе хоть чем-нибудь помочь?

Я открыла дверцу холодильника и извлекла тарелку с продуктами, которые загодя приготовила для него.

Он вдруг выпрямился.

– На самом деле... Да. Если у тебя найдется на это время.

– Его у меня в изобилии.

– Как полагаешь, возможно ли рассчитать размер и массу метеорита? – Его голос слегка дрогнул, и он запнулся. Сжал губы, а затем изобразил на лице подобие улыбки. Прочистив горло, он продолжил: – Не сомневаюсь, что с конкретными цифрами, полученными в результате достоверных математических вычислений, я раз и навсегда докажу им, что русские к

Метеориту ни малейшего отношения не имеют. Окончательно докажу наконец, что они просто-напросто были не в состоянии сдвинуть его.

Я поставила перед ним тарелку и поцеловала в затылок.

– Уверена, что твое задание мне под силу. Разумеется, мне потребуются данные, полученные правительством из самых различных источников.

– Просто скажи мне, что нужно, и тебе будет предоставлена любая необходимая информация.

Забавно получилось. Всю неделю я помогала Миртл с беженцами, но постоянно задавалась вопросами.

Почему я выжила? Почему именно я, а не кто-нибудь иной, чьи способности и навыки оказались бы сейчас более востребованными, чем мои?

Я помогала людям, но... но с работой, которую я выполняла, справился бы кто угодно. Я была всего лишь винтиком, заменить который не составляет труда.

Теперь я знала ответ.

Вычисления, чистая абстракция чисел – это мое, уж это я смогу!

7

РАДИОЛЮБИТЕЛИ ПОМОГУТ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЕ ФИЛАДЕЛЬФИЯ, штат Пенсильвания, 17 марта 1952 года

Подразделения гражданской обороны для координации помощи пострадавшим от падения Метеорита используют в зоне бедствия самое различное коммуникационное оборудование. Так, в дополнение к обычным телефонам спасатели повсеместно задействуют переносные радиопередатчики, рации, армейские полевые телефоны, а в качестве вспомогательного канала связи – даже установленные на гражданских автомобилях любительские радиостанции, обслуживаемые волонтерами-радиолюбителями.

По вечерам я работала над расчетами для Натаниэля. После дневных хлопот с беженцами погружение в мир чисел успокаивало меня.

Сегодня, к примеру, я разлила огромным черпаком собственноручно приготовленный мною суп по многочисленным мискам и тарелкам девочек из отряда скаутов и их вожатых. Они отправились в поход незадолго до падения Метеорита, и во время удара им посчастливилось оказаться в Хрустальных пещерах. Почувствовав колебания почвы, которые они поначалу приняли за землетрясение, девочки, да и вожатые тоже, не на шутку перепугались, а потом поднялись наверх и обнаружили, что привычный им мир перестал существовать.

Итак, числа. Числа были утешением. В расчетах были логика и порядок. Я могла собрать воедино разрозненные события и извлечь из них смысл.

Еще одной отдушиной, благодаря которой мне удавалось тогда обрести порядок посреди воцарившегося хаоса, оказалась кухня. Поначалу я исполняла там лишь обязанности поваренка – мыла посуду, резала овощи и прочее в том же духе, но одновременно с тем исподволь уговаривала Миртл доверить мне хотя бы элементарные поварские обязанности. И в конце концов все же уговорила, и через неделю моих мытарств она сжалилась-таки и поручила мне приготовление десерта. Еще через два дня разрешила в одиночку состряпать целый ужин, ну а теперь мы с ней готовим по очереди.

Была ли кухня кошерной? Определенно нет. Но я по этому поводу ни разу не переживала.

Открыв ближайший к раковине шкафчик, я обыскала его сверху донизу и наконец нашла мерный стакан. Сегодня на ужин будет пирог с курицей. Начинка вовсю томится на плите, источая божественные ароматы сливочного масла с тимьяном. В некотором смысле выпечка сродни математике: желаемый результат получаешь, только если все компоненты использованы в правильной пропорции и в должное время.

Направляясь к холодильнику, я бросила мимолетный взгляд через дверной проем в гостиную. Миртл полулежала на диване, потягивая вино из бокала, ее ноги покоились на коленях у Юджина, и тот умело массировал жене стопы.

– ...сделать ничего не можешь?

– Увы, лапушка. Я пытался. – Он поморщился и склонил голову набок, продолжая водить большим пальцем по подушечке ее стопы. – Ведь сама же знаешь, что я лечу лишь туда, куда прикажут.

– Но ведь прибывает самолет за самолетом... И на каждом борту – одни лишь белые. А где же наши? Их вообще кто-нибудь спасает?

И как только я этого прежде не замечала? Замерев в позе человека, открывающего холодильник, я судорожно перебирала беженцев в памяти, надеясь вспомнить в людской массе хотя бы одно цветное лицо, и, к сожалению, в этом ни разу не преуспела.

– Ты же знаешь, милая, к чему приведет спасательная операция в черных кварталах. Ну посадим мы их в самолет. Ну доставим сюда. И что потом? Их все равно отправят в отдельный лагерь.

Миртл, вздохнув, нехотя согласилась:

– Знаю я, знаю. Попробую поговорить в церкви. Может, и получится организовать помощь самим.

С мерным стаканом в руке я подошла к двери.

– Простите.

Миртл обернулась ко мне, и лицо ее почти мгновенно скрылось за вежливой маской, а затем в маске этой прорезалась и уже вполне искренняя улыбка.

– Помочь вам что-то найти? – спросила она.

– Нет-нет. Просто я... Я нечаянно подслушала ваш разговор. Хотите, чтобы Натаниэль поговорил с кем-то из руководства?

Юджин и Миртл переглянулись, и он, отрицательно покачав головой, немедленно произнес:

– Спасибо, мэм. Мы попробуем пока управиться собственными силами.

* * *

После ужина я уединилась в кабинете Линдхольмов. Разложила бумаги по всему столу в определенном порядке. Достала из выдвижного ящика блокнотик, служивший нам журналом, и записала там время, чтобы позже вернуть деньги за междугородний звонок. Потом сняла трубку и набрала рабочий номер брата.

– Бюро погоды Соединенных Штатов. Гершель Векслер слушает.

– Привет. Это Элма. Есть минутка посудачить о погоде?

– Моя работа как раз в том и состоит, чтобы разглагольствовать о погоде. Что-то случилось? – На том конце провода зашелестела бумага. – На пикник собралась?

– Хорошая шутка. Считаю, оценила. – Я пододвинула свои расчеты поближе. – Помогаю Натаниэлю выяснить, насколько большим был Метеорит, из чего он состоял и все такое прочее... Чесапикский залив кипел три дня. Я и сама разберусь, но... Вдруг есть готовая формула? Такая, что позволит вычислить температуру метеорита, заставившего кипеть такой огромный водоем?

– Интересно... Секундочку. – Теперь в трубке было отчетливо слышно, как сводки погоды с метеостанций по всему миру печатает телетайп. – Глубина залива и объем воды в нем, надеюсь, у тебя под рукой?

– Разумеется. Средняя его глубина – двадцать один фут. Восемнадцать триллионов галлонов.

– Хорошо. Поехали... В марте в Чесапикском заливе вода градусов семь. Значит, изменение температуры составило не менее 93 градусов...

Послышался звук выдвижаемого ящика, и тембр его голоса изменился. Я представила Гершеля с телефонной трубкой, зажатой между щекой и плечом, брови сведены у переносицы, очки сдвинуты на кончик носа, уголок нижней губы зажат между зубами, руки колдуют с логарифмической линейкой, а костыли наверняка приставлены к рабочему столу сбоку. Его бормотание перемежалось мурлыканьем:

– ...разделить на молярную массу воды... Получается энергия в одну целую пятьдесят сотых, умноженная на десять в двадцатой степени джоулей... М-м-м... Складываем обе энер-

гии... М-м-м... Получается одна целая восемьдесят четыре на десять в двадцатой степени джоулей. Потребуется... градусов 270 по Цельсию, не менее.

– Спасибо. – Я проглотила появившийся комок в горле и не подала виду, насколько это число меня напугало. – Вообще-то мог бы просто дать мне формулу.

– Еще чего! И признать, что младшая сестренка лучше меня разбирается в математике? – Он хмыкнул. – Уважай мое самолюбие.

Теперь я могла подставить температуру в выкладки наряду с примерным углом вхождения метеорита в атмосферу и на выходе получить его приблизительный состав, исходя из того, какой материал нагрелся бы до 270 градусов за время полета.

– Ты сказала, что хочешь выяснить, из чего состоял Метеорит? – Тембр его голоса снова изменился – очевидно, Гершель поднес телефонную трубку поближе ко рту.

– Ага. Судя по размерам кратера – восемнадцать миль – и по вытесненному объему воды, у меня довольно точная оценка размера Метеорита. – По ходу разговора я подставляла результаты Гершеля в свои вычисления. – Когда-нибудь туда отправят водолазов, и мы узнаем состав наверняка, но сейчас все заняты только спасательными и восстановительными работами...

Тут я подумала о Юджине с Миртл и примолкла.

– Элма, можно вопрос?

– Домашку по математике за тебя делать не буду.

Он хмыкнул.

– Как дела у Натаниэля?

Я, вздохнув, на всякий случай устремила взгляд на дверь и убедилась, что она закрыта.

– Устал, разочаровался, и половина результатов его деятельности засекречена... Я тешу себя надеждой, что в ближайшее время ситуация стабилизируется, и тогда уж напруги у него на работе сойдут на нет, но...

– Но благоприятных изменений у вас вряд ли стоит ожидать скоро.

– Именно. – Я почесала лоб. – А как там у вас?

– До наших краев недавно добрались первые беженцы, но в целом все как обычно. –

Он вздохнул. – Во всяком случае, до тех пор, пока не произойдут необратимые изменения в характере погоды.

– Это как?

– Еще толком не знаю, и как раз над этим я сейчас работаю. Произведенный падением Метеорита выброс в воздух столь огромного количества пыли и дыма еще непременно даст о себе знать. – Послышался вздох, и я представила, как он снимает очки. – Можно еще вопрос?

– Твою домашку по математике все равно делать не буду.

– А ты ее уже делаешь. Так сколько же воды испарил Метеорит?

– Вычислю, хотя бы примерно, после того, как рассчитаю его размер. А что?

– А то, что выброс такого объема воды в воздух, несомненно, повлияет на погоду на всей планете. Хотел бы я предсказать, чем он аукнется в сезон ураганов.

Я улыбнулась стене, как будто между ней и мной сидел Гершель.

– Ладно уж, сделаю за тебя и на сей раз математику, но и ты уговор знаешь.

– Знаю. – Он рассмеялся. – Можешь полистать мои комиксы, но для этого тебе придется приехать в гости.

– Непременно приеду, как только мы здесь разберемся с рутиной, – заверила его я, про себя же решив, что в ближайшее время поговорю с Натаниэлем насчет переезда в Калифорнию.

* * *

Отодвинув бумаги с вычислениями, я обхватила голову руками.

Дерьмо. У меня два вечера ушло на то, чтобы определить все неизвестные. И что теперь? Я еще трижды все перепроверила, и если в моих расчетах и затаилась ошибка, найти ее мне не удалось.

Я позвонила Гершелю. Оказалось, что его рабочий день уже давно закончился. Набрала его домашний. Трубку взяла приходящая няня. Она уведомила меня, что Гершель с женой отправились в ресторан, и один бог знает, что она подумала о сообщении, которое я надиктовала ей для брата.

Встав из-за стола, я принялась мерить комнату шагами. Оказалось, что рядом с бумагами на столе расположилась холодная запеканка. Должно быть, мне ее принесла Миртл, но половину уже кто-то умял. Скорее всего, даже я сама, но, хоть убейте, не припомню, чтоб я что-то ела сегодняшним вечером.

Голову от правого глаза до макушки пронзала боль. Мне позарез нужен Натаниэль. Я сложила все листы в стопку: и черновики, и более свежие с почти окончательным вариантом расчетов.

Натаниэль наверняка еще в штабе. Я могу... А что я могу? Выдернуть его с совещания? А зачем, ведь ничего в полученных мною цифрах не поменяется, если я терпеливо дождусь его возвращения.

Все-таки, когда муж дома и когда на работе – это две большие разницы! Я потеряла висок, и боль вроде бы поутихла. Если в моих выкладках и не было ошибки, то таковая, возможно, скрывалась где-то в исходных данных. Может, в одном из докладов с места преувеличены цифры. Или где-то что-то упущено.

Я взяла со стола тарелку и отнесла ее в кухню. В доме было темно, лишь горела лампочка над плитой.

Быстрее бы вернулся Натаниэль! Конечно, вернется, и, возможно, весьма скоро. Я должна быть терпеливой.

Недоеденную запеканку я отправила в мусор и открыла воду, намереваясь помыть тарелку. У Линдхольмов была посудомоечная машина – новехонькая и блестящая, – но проточная вода мне сейчас представлялась привлекательней любой, пусть даже самой лучшей машины, и я, подставив под струю тарелку, а затем и руки, постепенно успокаивалась. Уже пристроив тарелку в сушку над раковиной, я постояла еще чуть-чуть, наслаждаясь тем, как между пальцами течет вода.

Открылась входная дверь. Слава богу. Поспешно вытерев руки кухонным полотенцем, я побежала навстречу Натаниэлю. Он расплылся в улыбке и, наклонившись, поцеловал меня.

– Привет, красавица.

– Надо кое-что тебе показать. – Мне вдруг стало стыдно за свой эгоизм. – Прости. Я должна была сначала спросить, как у тебя прошел день. Убедил всех, что у русских до нас пока не дошла очередь?

– Не совсем. Вдобавок президент Бреннан настаивает на возрождении НАКА, намеревается искать в небе и другие представляющие для нас угрозу астероиды. – Он ослабил галстук. – А ты что собиралась мне показать?

– Оно подождет до утра, – попыталась я, несмотря на беспокойство, быть хорошей женой. Да и откровенно говоря, поделиться своей новостью с мужем сегодня вечером значило обречь и его на бессонницу.

– Давай уж сегодня, Элма. Не хочу, чтоб меня пинали всю ночь.

– Пинали?

– Ага. Когда ты взвинчена, как сейчас, ты ворочаешься и брыкаешься во сне.

Видимо, он прав. И ведь не поспоришь!

– Я... И больно я пинаюсь?

– Давай уж показывай, что там у тебя.

Каюсь, уговаривать меня не пришлось. Схватив мужа за руку, я втащила его в кабинет.

– Я рассчитывала, сколько бы потребовалось энергии, чтобы сдвинуть с траектории Метеорит. Хотела доказать, что русским это никак не по силам.

Он замер в дверях как вкопанный.

– Только не говори, что падение Метеорита – все же их рук дело.

– Нет-нет. – Стоя у стола, я смотрела на листы со своими расчетами. – Понимаешь, мне кажется, что в самом ближайшем будущем нам грозит массовое вымирание.

8

ЦЕНЫ НА ФУРАЖНОЕ ЗЕРНО РУХНУЛИ ЧИКАГО, штат Иллинойс, 26 марта 1952 года

Ассошиэйтед Пресс сообщает о значительном падении цен на фуражное зерно на сегодняшних торгах Чикагской торговой палаты, и падение цен на данный товар происходит уже второй день кряду. Брокеры объясняют это тем, что из-за разрушений, причиненных портам Восточного побережья, почти полностью прекратился экспорт кукурузы и овса.

Боже, как бы мне хотелось ошибиться. Натаниэль сидел за столом в кабинете Линдхольмов и, вооружившись логарифмической линейкой, проверял и перепроверял мои выкладки. Стол был завален энциклопедиями, справочниками, атласами и газетами за последние недели, в которых были напечатаны многочисленные репортажи с мест разрушений. Я, прикусив губу, прислонилась к стене у окна. Ночной пейзаж за стеклом был уже залит лунным светом. После выпитого за вечер кофе от еще одной чашки я бы, пожалуй, унеслась как заведенная к потолку.

За последний час муж не задал ни единого вопроса. Всякий раз, когда карандаш его выводил что-то на бумаге, во мне рождалась надежда на ошибку – может, я что-то где-то позабыла проинтегрировать или возвести в должную степень или еще что-то в том же роде.

Наконец он отложил логарифмическую линейку и обхватил голову растопыренными пальцами. Взгляд его был прикован к последней странице.

– Пора убираться с этой чертовой планеты. – Послышался вздох, и голова его сползла вниз и уткнулась в стиб локтя. Теперь он говорил в стол, от чего голос его звучал глухо. – Я, честное слово, хотел бы, чтобы ты оказалась не права, но, увы, ошибки в твоих расчетах так и не обнаружил.

– Может, ошибка в исходных данных?

– Если в них и имеется серьезная ошибка, то кое-кого следует уволить из Американской Энциклопедии. – Он оторвал взгляд от стола и, щурясь, взгляделся в мое лицо. – А я-то прежде по наивности считал сказочным везением, что Метеорит упал в воду.

– Вся беда в водяных парах. – Я подошла и хотела присесть на стол, но Натаниэль перехватил меня за руку и усадил к себе на колени. Я прижалась покрепче и положила голову ему на плечо. – В ближайшее время всего лишь слегка похолодает, но затем порожденный падением Метеорита водяной пар в воздухе...

Он, кивнув, обронил:

– Посмотрим, получится ли организовать тебе встречу с президентом.

– Как? С самим президентом? – Я выпрямилась. Сердцу вдруг захотелось выпрыгнуть наружу. – Просто... Ты знаешь, многое в расчетах не из моей области, и... Наверное, лучше все-таки для начала поговорить с учеными.

– Само собой, поговорим. Но... Нас с Вернером фон Брауном сейчас поставили на ракетный проект по обнаружению и уничтожению других потенциально опасных астероидов. – Он откинулся на спинку стула и почесал подбородок в том месте, где царапина покрылась коркой. – В общем, ты не хуже меня знакома с косностью военной бюрократии.

– Знакома, – согласилась я. – Раз проект начат, остановить его нелегко, а скорее, и вовсе невозможно.

Он снова кивнул.

– А мы, черт возьми, работаем вовсе не над тем проектом, который сейчас является приоритетным.

* * *

Я стояла перед шкафом, придирчиво рассматривая свой скудный гардероб. С каждым извлеченным оттуда нарядом мои внутренности вновь и вновь будто сжимались в комок. Мне предстоит оказаться в центре всеобщего внимания. А вдруг я выберу не то платье? Вдруг где-то в мои расчеты все же закралась ошибка? Для Натаниэля будет лучше, если на встречу я не пойду.

– Элма! Какой галстук мне... – Муж остановился в дверном проеме. – Как! Ты еще не одета? Забыла, что ли, что через тридцать минут у нас встреча с генералом Эйзенхауэром?

В каждой руке у него было по чужому галстуку.

– Повяжи синий. Он подчеркивает цвет твоих глаз.

Я закрыла шкаф, и комок внутри мгновенно рассосался.

– Что-то случилось? – Натаниэль переложил галстук из правой руки в левую, подошел ко мне и коснулся моего лба.

– Малость нездоровится. – У меня как раз были месячные. Правда, худо мне было не из-за них, но ради того, чтобы уклониться от вызывающей у меня дрожь встречи, не грех было и женскую карту разыграть по полной. – Останусь-ка я дома. Доклад я распечатала, а следующие из моих расчетов выводы тебе известны не хуже моего.

– Вряд ли не хуже. – Он бросил зеленый галстук на стол. – Если возникнут вопросы, то я вовсе не уверен, что справлюсь.

Естественно, возникнут. Ведь послушать нас явится целая толпа. Одно дело – сидеть на совещании ради моральной поддержки или даже пререкаться с Паркером, и совсем другое – если в одной комнате собираются более шестерых, и...

На меня нахлынули мучительные воспоминания, и были они столь яркими, что даже ладони вспотели, и я поспешно вытерла их о полу халата.

– Скорее всего, генерал в вычислениях не разберется, и, следовательно, обсуждать тебе на встрече предстоит только выводы.

Натаниэль со вздохом кинул галстук на шею.

– Ну да, именно на это я и рассчитываю, но ты нужна мне для подстраховки на случай, если вдруг будут заданы узкоспециализированные вопросы. Например, о зависимости между влажностью воздуха и повышением глобальной температуры.

Я взяла одну из отпечатанных на машинке копий, пролистнула несколько страниц и выдала ему:

– Вот же. Вот. На четвертой странице зависимость расписана, а на обороте есть еще и график увеличения температуры на ближайшие пятьдесят лет. Так что...

– Я – в курсе.

– Я – женщина, и кто ж моим выкладкам поверит? Так что общаться с руководством следует только тебе одному.

– Элма, ну пожалуйста. – Он отвернулся от зеркала. – Кто из нас двоих, в конце концов, подрабатывал в универе репетиторством по математике? У тебя же врожденный талант объяснять что-либо другим.

Муж у меня замечательный. Он верит в меня. И вдобавок – неисправимый идеалист, который в упор не замечает, как люди частенько пропускают мои слова мимо ушей, а затем благоговейно внемлют тому же самому, но уже повторенному им.

– Ничего не поделаешь. Я сегодня совсем раскисла, так что с твоего позволения останусь дома.

Натаниэль завязал галстук и подтянул аккуратный виндзорский узел к самой шее.

– Извини. Просто я рассчитывал на твою поддержку, но раз тебе нездоровится, значит, нездоровится.

Я, как улитка в раковину, забралась поглубже в халат.

– И... Сегодня не лучший день.

– А когда день был хорошим? Не помню ни единого с тех пор, как упал Метеорит.

– У меня... В общем, у меня чисто женское...

Он нахмурился и потер бровь. Потом покачал головой и взял пиджак со спинки стула.

– Ладно уж. В конце концов, сегодня – всего лишь предварительное совещание, но надеюсь, что ко времени встречи с президентом тебе полегчает.

Беда была в том, что лучше мне, разумеется, не станет, а встреча с президентом обещает выдаться стократ более тяжелой, чем сегодняшняя с Эйзенхауэром. Но хоть не сегодня.

Да и присутствовать на встрече с президентом мне, быть может, и вовсе не потребуется. Бог даст, выяснится, что мой допуск недостаточен. Или что-то еще спасет меня от выступления перед забившей комнату толпой народа.

Я – разумная женщина. Знаю, что выступление перед солидной публикой опасности не несет. Честное благородное слово, знаю.

И все же... Все же!

В старшую школу я перешла в одиннадцать лет, а в университет поступила в четырнадцать, и там, и там я была единственной девочкой, выбравшей предметом специализации математику. И везде на меня пялились из-за того, что я прекрасно считала в уме, а все парни прямо-таки ненавидели меня за то, что я никогда не ошибалась у доски, а каждый преподаватель или даже профессор так и норовил поставить меня в пример. «Стыдитесь, невежды! – бывало, громогласно возглашал очередной из них. – Даже эта маленькая девочка знает правильный ответ!»

К окончанию университета я была готова на все, лишь бы не выступать публично.

Сглотнув комок в горле, я перевела тему разговора:

– Ты его раньше видел?

– Кого? Президента или Эйзенхауэра? Вообще-то да, видел их обоих, но лишь мельком.

– Генерал Эйзенхауэр часто играл с папой в гольф.

– Вот видишь! Еще один довод за то, чтобы ты была на встрече со мной.

– В качестве дочери генерала? Бывшего. Покойного. – Я небрежно бросила доклад обратно на стол. – Неважно. Важно лишь то, что я не смогу.

Натаниэль снова вздохнул и уставился в пол.

– Прости. Я сам порядком мандражирую и потому веду себя как последний эгоист. – Он подошел и крепко обнял меня. – Что тебе принести сегодня? Грелку? Шоколад?

– Хвастунишка, – сказала я, отлично зная, что его посулы пусты, поскольку из-за закрытых портов Восточного побережья на полках магазинов уже давным-давно шаром покати. – Где ты, скажи на милость, раздобудешь сегодня шоколад?

– Истребую у генерала!

– И на каком основании?

– На том самом, что судьба всего мира зависит от здоровья и благополучия моей благоверной. – Он поцеловал меня в лоб. – И клянусь, что не уверен, являются ли мои слова преувеличением.

* * *

Ложь касательно плохого самочувствия, как водится, вечно вызывает эффект домино.

После встречи с Эйзенхауэром я должна была дежурить в больнице, но как только Натаниэль отбыл, в дверь нашей комнаты постучали.

Я поспешно застегнула последнюю пуговицу на блузке и произнесла:

– Входите!

Дверь ногой открыла Миртл, поскольку в руках у нее был поднос с солеными крекерами и стаканом имбирного лимонада.

– Натаниэль посетовал, что вам нездоровится.

– Обычные женские дела, понимаете ли. – Чтобы не встречаться с ней взглядом, я принялась заправлять блузку. – К счастью, худшее уже позади.

– Знаю, что у каждой «женские дела» протекают по-своему. Лично меня они укладывают в постель на целый день. – Она опустила поднос на столик. – Я вам для успокоения желудка принесла всякое разное. Хотите грелку? Или... Есть еще бурбон. Слышала, что он многим помогает.

Как же нам повезло оказаться на постое у такой чудесной пары! На глаза навернулись слезы, что, разумеется, явно указывало на влияние месячных.

– Вы – сама доброта. – Я вытерла намокшие веки. – Честное слово, мне уже намного лучше. Обычно я переношу такие дни легко, но сегодня, наверное, просто... – Я описала рукой полукруг в надежде, что она сама додумает за меня недосказанное.

– Ясное дело, всему виной стресс, вызванный вашими злключениями в последние две недели. – Миртл протянула мне стакан с лимонадом. – Вполне естественно, что вы переутомились.

– Со мной все вполне уже неплохо. – Я взяла-таки лимонад и с удивлением обнаружила, что всего лишь прохлада стакана успокаивает меня. – Правда, правда. А как ваши дела? Есть ли хорошие новости из церкви о беженцах?

Миртл замаялась, а потом, облизнув губы, все же сказала:

– Можно сказать и так. И еще. Есть идея, но она требует одолжения с вашей стороны.

Боже! Возможность быть полезной!

– Конечно же. Конечно! После всего, что вы для нас сделали, считайте, что любая ваша просьба, справиться с которой в моих силах, уже исполнена. Любая.

– Не беспокойтесь – делать вам ничего не потребуется. – Она выровняла поднос по краям столика. – Юджин уверяет, что у вас есть самолет. Так ли это?

– Да, есть, но он серьезно поврежден.

Она кивнула. Похоже, о самолете ей все было известно.

– Если мы его починим, разрешите вы нам им воспользоваться?

– Разумеется. – Низко и мелочно с моей стороны, но я слегка расстроилась, что роль помощника отведена «Сессне», а не Элме Йорк. – Но я уже обзвонила всех механиков, и ни один за ремонт не взялся.

Она едва заметно улыбнулась.

– Вы обзвонили только механиков, чьи номера отыскили в телефонном справочнике, но там значатся далеко не все, кто разбирается в самолетах. Там в основном только белые, а Юджин непременно договорится о ремонте, воспользовавшись своими собственными связями, и самолет ваш, скорее всего, починят спецы одного с ним цвета кожи.

Миртл и раньше знала о других механиках и молчала? Но так или иначе, обижаться было совершенно неуместно. В долгу у нее была я, а не наоборот.

– Вместимость «Сессны» – всего четыре человека. Большое количество беженцев на ней не эвакуируешь.

– Знаю. У нас другой план. – Она приосанилась и хлопнула в ладоши. – Похоже, я чересчур много болтаю, а вам ведь нездоровится. Значит, так, остаток дня отдыхайте, даже если вам и станет лучше. Я оставлю куриный бульон – без бекона – подогреваться на плите.

– Спасибо вам, но правда не стоит...

– Все хорошо. Вы точно как Юджин. Если б мы не были знакомы, то я бы подумала, что вы – переодетый мужчина.

– Наверное, летчицкая закалка сказывается. – Я пожала плечами. – Любой из нас уверен, что следует всегда прикидываться здоровым, а иначе от полетов отстранят.

– Хотя я вам и не мама, но сегодня выходить из дома запрещаю. А иначе вы оборотов не убавите и сами о себе не позаботитесь.

Убавить обороты?

Какие там обороты! С падения метеорита я только и делала, что сидела сложа руки. Надо было все же пойти с Натаниэлем. Глядишь, и стала бы хоть чуточку кому-нибудь полезной.

* * *

– И что вы делаете на кухне? – Из гостиной, еще не сняв шляпку и перчатки, глядела Миртл.

Я держала над миской пригоршню салатных листьев и под ее взглядом отчего-то вдруг почувствовала себя виноватой.

– М-м-м, ужин готовлю...

– Девушка, вам полагалось отдыхать.

Временами ее выговор домохозяйки из высшего общества пропадал, и чаще всего это происходило, когда она вот так, как сейчас, сердилась. Такой неприукрашенной Миртл мне импонировала больше, чем в своей лощеной ипостаси.

Она сложила вещи на ближайший столик и замахала на меня руками.

– Немедленно обратно в постель.

– Мне уже много лучше. Небольшие колики совсем прошли, и теперь мне на самочувствие грех вообще жаловаться. – Я выложила оставшиеся в руке салатные листья в миску и принялась рвать их чуть более энергично, чем, быть может, следовало. По всему выходило, что лучше бы я все же собралась с духом и пошла с Натаниэлем! – Мне нужно было чем-то заняться, а вы весь день работали.

Снаружи послышался рокот мотора.

По крайней мере, один из мужчин вернулся!

Я взглянула в окно и увидела джип Юджина, но кто находится внутри, различить не сумела.

Неужели Натаниэль все еще на совещании? Какая же я дура! Надо было все же отправиться с ним.

Миртл достала из шкафчика фартук.

– Ну, говорите, что мне делать.

– Так... Проверьте тальярины. Может статься, что пора уже снимать фольгу.

Входная дверь отворилась, и послышались голоса обоих мужчин. Юджин использовал любую благоприятную возможность расспросить Натаниэля про ракеты. Или мне так просто казалось?

– ...с авиабазы «Эдвардс».

– О господи... Снова та же песня. – Миртл зашагала к гостиной. – Смирись же наконец с тем, что летчиком-испытателем тебе уже не бывать! Хватит с тебя и того, что всю войну ты истребитель пилотировал. Да и сейчас пилотируешь.

– Ну, лапушка... Уверяю, что ни малейших поводов для беспокойства у тебя нет.

Натаниэль, неловко рассмеявшись, пояснил:

– Мы всего лишь обсуждали, какая авиабаза оборудована лучше: «Подсолнух» в штате Канзас или «Эдвардс». И ничего больше... Э-э, я провожаю Элму.

– Она на кухне.

Я только-только дочистила морковь для салата, как вошел Натаниэль и положил на кухонный стол папку с бумагами.

– Привет. Тебе, надеюсь, лучше? – В его голосе звучала искренняя забота.

Надо бы ему новый портфель купить. Но портфель пока подождет, поскольку сейчас есть дела и поважнее.

И я, принявшись натирать на терке морковь, сказала:

– Спасибо, много лучше. А как прошло твоё выступление?

– Слава богу, отменно. – Он ослабил узел галстука и оперся о столешницу. – Помочь тебе чем-то?

– Так... Коктейль смешаешь?

Сразу же после первой армейской получки Натаниэля мы основательно пополнили бар Линдхольмов. И признаюсь, несколько бутылок припрятали в нашей спальне под кроватью, это было нашей валютой на случай, если дела пойдут совсем уж худо.

– С удовольствием. Мартини подойдет?

– Идеально. – Я отложила терку и сыпала морковь в миску с измельченными листьями салата. С тех пор как я завершила вычисления, вид любого овоща или фрукта навевал мысли о том, сколько еще лет всему этому осталось существовать. Морковь и салат... Они переживут метеоритную зиму. Во всяком случае, должны. – Так что же сказал Эйзенхауэр? Похвастайся же наконец тем, как ты предстал пред ним во всем своем великолепии.

Натаниэль фыркнул и вынул из холодильника бутылку джина.

– Твой великолепный муж... погоди. – Он отошел к двери в гостиную и спросил: – Линдхольмы, мартини желаете?

Мне отчаянно захотелось на него наорать! Вот же любитель раздражить любопытство, а затем сделать нарочитую паузу!

Приглушенный разговор в гостиной смолк, и Юджин ответил:

– Ей-богу, желаю. Если, конечно, жена не возража...

Тут он охнул, как будто получив удар под дых, и из гостиной заструился голос Миртл, и голос тот был слаще меда:

– Спасибо, Натаниэль. Буду безмерно благодарна. Можно мне двойной?

Хорошо, что я как раз ополаскивала терку, и шум воды заглушил мой сдавленный смешок.

По крайней мере, до Среднего Запада кислотные дожди еще не добрались, и чистая вода здесь была еще не в дефиците. А ведь многие беженцы до прибытия на базу были лишены этой роскоши.

Я напомнила о себе:

– Двойной считаю отличной идеей!

Натаниэль развернулся в дверях. Его брови застыли в удивлении.

– Вообще-то из нас двоих на совещании был только я.

– Мне в лечебных целях. Да и тебе двойной в общем-то не помешает.

Заправка для салата была готова, но ее мы добавим прямо перед самой трапезой. Что еще осталось? Ага, проверить тальярины.

Я вернула разговор в интересующее меня русло:

– Ты рассказывал об Эйзенхауэре и о том, как ловко продемонстрировал ему свою гениальность.

– А, точно, точно. – Он выудил из шкафчика кувшин. – Ну... После того как мое впечатляющее красноречие вкупе с ораторским искусством покорили всех присутствовавших, я поверг Эйзенхауэра в молчание, вручив ему твой гениальный, в высшей степени обстоятельный доклад. Не то чтобы он с ходу разобрался в твоих расчетах, но...

– Ну вот, видишь, что я говорила! На вашем сборище я и в самом деле оказалась бы абсолютно лишней.

Я открыла духовку, и лицо мне обдало жаром. Двести тридцать градусов. Хотя и значительно меньше, чем температура ударной волны, недавно накрывшей Вашингтон.

– Между прочим, отвечая на некоторые его каверзные вопросы, мне пришлось юлить, что ужу на сковородке. – Натаниэль обычным стаканом отмерил джин и перелил в кувшин. – Но как человек военный, он достаточно разбирается в ракетном деле, дабы понять, что Советам, при нынешнем уровне их развития, изменить траекторию астероида в космосе не по зубам.

– Слава богу. – Я сняла с тальярины фольгу и отправила противень, чтобы сыр подрумянился, обратно в духовку. – Как с погодой?

– Погода сегодня была превосходной.

– Ты прекрасно понял, о чем я спрашиваю.

– Конечно. И ты пойми, что в такой ясный день убедить людей в том, что скоро разразится климатическая катастрофа, весьма и весьма непросто. – В дело пошла бутылка вермута. – И кроме того, «военная значимость» отсутствует, и потому генерал счел поднятую нами проблему не срочной.

– Львиная доля доклада была как раз о климате! – Надо было все же сходить с ним. В следующий раз – непременно отправлюсь. Да, в следующий раз так и так придется. – Так что? Тебе организуют встречу с президентом? И каков твой план?

Он пожал плечами и извлек из холодильника форму со льдом.

– Пытаюсь пробиться. Эйзенхауэр сказал, что поспособствует решению вопроса, но без советской угрозы срочности в том не видит, а временно исполняющий обязанности президента Бреннан, понятное дело, по самые уши увяз в собственных текущих проблемах, да и все его нынешние интересы сводятся лишь к скорейшему восстановлению федерального правительства.

– Вот ведь придурок. – Я, уперев руки в бока, застыла у столешницы. Себя я сейчас за утренний обман презирала даже более, чем кого-либо прежде. Если бы я была на собрании... То что? Стал бы генерал Эйзенхауэр слушать девчонку, болтающую о математике и о погоде? Может, в память о моем отце и выслушал бы, но вряд ли свое решение изменил. – Двойной я, кстати, попросила на тот случай, если выяснится, что наш доклад отправлен в долгий ящик...

– Можешь не продолжать. – Он чересчур рьяно потрянул форму для льда, и один кубик выскочил на стол и скатился на пол. – Будем впредь двигаться малыми шажками. По крайней мере, наши по Советам не ударят. Будь иначе, стало бы намного хуже.

Вряд ли бы стало особо хуже. Всего лишь гибель нашей цивилизации наступила бы несколько раньше, но не более того.

9

ЕВРОПЕЙСКИЕ ГРАНИЦЫ ДЛЯ ПЫЛИ НЕ ПРЕГРАДА
Норвегия обеспокоена трансграничным загрязнением атмосферы
ДЖОН ЛИ
ОСЛО, Норвегия, 3 апреля 1952 года

Европейцы все более обеспокоены пылью в воздухе, поднятой месяц назад падением Метеорита. На днях ведущий норвежский ученый заявил: «Если события пустить и далее на самотек, то наши леса и реки погибнут».

Славная неделя вычислений закончилась, и теперь мы ждали весточки от президента, а моя жизнь вернулась к волонтерской рутине в больнице.

Третьего апреля, ровно месяц спустя после падения Метеорита, приземлился очередной рейс с беженцами. Поначалу я полагала, что вот-вот – и поток их иссякнет, но не тут-то было, и каждый новый борт оказывался опять набит под завязку. Объяснялось это тем, как я, порядком поразмыслив, поняла, что чем больше проходило времени после падения Метеорита, тем больше выживших, на первых порах отчаянно державшихся за свои вроде бы вполне уцелевшие дома и скarb в них, убеждались в том, что инфраструктура в их поселениях безвозвратно разрушена, и не то что привычная жизнь в их округе уже не восстановится, но даже и приемлемая в обозримом будущем не наладится.

Я коротала время в тени навеса, натянутого для первичного осмотра вновь прибывающих, а под соседними такими же навесами прибывающих ожидали готовые приступить к своим профессиональным обязанностям врачи и медсестры. Самолет меж тем закончил руление, и люди в форме сноровисто подогнали к нему трап.

В общем, система была полностью отлажена и работала как часы.

Вот люк открылся, и наружу вышел первый пассажир. Он был тощий как жердь. И вдобавок чернокожий! За целый месяц он был первым черным, прибывшим в самолете с беженцами. Слева и справа от меня раздался удивленный гомон медиков.

Я непроизвольно взглянула через плечо на Миртл. Та стояла к самолету спиной и раскладывала на столике перевязочные материалы.

– Миртл!

– Да? – Она обернулась. Ноги ее вдруг подкосились, и она поспешно ухватилась руками за стол. – Боже милосердный. Хвала тебе, Господи. Аллилуйя! Сработало!

Теперь уже по трапу спускалась вереница чернокожих – мужчины, женщины, дети. Потом среди них появились и белые, а к концу высадки белые стали преобладать. Очевидным было, что чернокожих запустили на борт в последнюю очередь, и оттого-то они первыми и выходили.

Вновь прибывшие уже приблизились к нам, и были они, что изначально не вызывало ни малейших сомнений, исхудавшими. Но если бы только! Теперь стало отчетливо видно, что тела многих испещрены розовыми язвочками.

Кто-то застонал, и этим кем-то, вполне возможно, была даже я сама.

Язвочки, несомненно, были вызваны химическими ожогами от кислотных дождей, и видеть подобные мне уже доводилось не раз, но никогда прежде на темной коже, на которой, как оказалось, они выглядят куда более жутко.

Встряхнувшись, я взяла в руки вверенный мне лоток бумажных стаканчиков с раствором для регидратации, а стоявшая рядом незнакомая женщина подняла со стола поднос с бутербродами. Я опять обернулась к Миртл и спросила:

– Так что, Юджин наконец-то уговорил кого-то наверху сменить район спасательных операций?

– Разумеется, нет. – Улыбка с ее лица исчезла. – Не уговорил. Просто мы с вашего самолета разбросали в черных кварталах листовки, в которых разъяснили, как и где эвакуироваться, и вот некоторые наконец-то добрались до нашей базы, а другие, верю, тоже вскоре доберутся. Возблагодарим же Господа за его великую милость к нам.

Она, готовясь к встрече с новоприбывшими, распаковала пакет с ватными тампонами.

* * *

Две недели спустя мне представилась прекрасная возможность раскаяться за свое дезертирство с горящего самолета... Простите, оговорила. Я, конечно же, имела в виду, с первого совещания по вопросам изменения климата.

Итак, на пару с Натаниэлем я отправилась на встречу с президентом Бреннаном, сотрудниками его аппарата, несколькими министрами и еще полудюжиной прочих чинуш, чьи функции одному только богу и были известны. Чувствовала я себя тогда многоопытным парашютистом, позабывшим на земле парашют.

Крепко-накрепко прижав к груди папку со своими бумагами, я по пятам за Натаниэлем прошла в зал для совещаний. Мы остановились, едва оказавшись внутри, и я, подавляя свой страх, поначалу заставила себя думать только о приземленном, то есть сфокусировала все свое внимание на всяческих мелочах вокруг. Так, к примеру, я выяснила для себя, что безымянный дизайнер сего помещения мастерски скрыл его истинную сущность, а сущность, несомненно, состояла в том, что это был подземный бункер. Для этой цели стены были обшиты деревом, а пол устелен зеленым ковром, от чего в сознании невольно возникали ассоциации, связанные с лесной поляной, а вовсе не с подземельем. А еще ложные окна здесь прикрывали шторы, будто подсвеченные снаружи теплым золотистым светом.

Мало-помалу взяв себя в руки, я отвлеклась от мелочей и огляделась. Оказалось, что здесь собрались только мужчины, и каждый был в темном костюме и при галстукке. Они, разбившись на группки, что-то увлеченно обсуждали – кто сидя, а кто стоя. Громче всего мужчины беседовали у двух самых обычных школьных досок, на одной из которых были воспроизведены мои расчеты.

Тут поприветствовать нас с мужем со своего председательского места поднялся исполняющий обязанности президента, и все голоса разом смолкли.

У Бреннана было загорелое лицо и такие морщинки возле глаз, какие обычно бывают у часто улыбающихся людей. Но сегодня он не улыбался. Сегодня уголки его рта были словно стянуты вниз тяжелыми складками щек, а седеющие брови сведены на переносице.

– Доктор Йорк. Миссис Йорк. – Он указал рукой на лысеющего, обремененного солидным брюшком, но в изумительно сидящем костюме человека рядом с собой. – Познакомьтесь с месье Шерзингером из Организации Объединенных Наций. На нашем сегодняшнем обсуждении он присутствует по моей просьбе.

– Совершенно вами очарован, мадам. – Месье щелкнул каблуками и, наклонившись, поцеловал мне руку, но глаза его не отрывались от шрамика на моем лбу.

Во всяком случае, мне так показалось. А может, сегодня я была просто чересчур мнительна по поводу своей внешности. Ведь мне стоило нешуточных усилий одеться на совещание хоть и с изяществом, но по-деловому, да только усилия мои, к великой моей досаде, пропали втуне, поскольку на совещании я оказалась единственной женщиной, и во что я ни обрядись, все собравшиеся все равно бы на меня пялились, а речи мои, разумеется, пропускали мимо ушей.

Рыжеволосый молодой человек деловито предложил:

– Господин президент, может, начинаем? Не хотелось бы тратить понапрасну время доктора Йорка.

Разумеется, его слова следовало понимать так, что у президента и помимо этого совещания дел по самое горло.

– Конечно. Благодарю вас, мистер О’Нил. – Президент Бреннан махнул рукой по направлению школьных досок перед собой.

Я и без того только на одну из них упорно и смотрела, в мыслях судорожно сравнивая начертанные там мелом ряды чисел с данными на страницах своего доклада.

Вдруг в запись закралась ошибка! Да и вообще думать о числах мне было значительно легче, чем о грядущем выступлении перед президентом, пусть он и не совсем президент, а всего лишь временно исполняющий обязанности такового.

Меж тем участники совещания стали рассаживаться за огромным столом, а усевшись, немедленно обратили все свои взоры на меня.

Хотя, быть может, последнее мне только казалось, но тем не менее сердце у меня в груди заходило ходуном, а папка прилипла к вспотевшим ладоням.

Неудивительно, ведь я и прежде знала, что мне много легче посадить самолет без двигателей, чем выступить перед значительным скоплением людей. Слегка ободряло лишь то, что на сегодняшнем совещании мне предстояло исполнить не более чем роль помощницы, к услугам которой мой муж-докладчик если и прибегнет, то исключительно в том случае, если ему вдруг понадобится найти какую-то подробность в обширном тексте доклада или что-то рассчитать на ходу.

Тем не менее пределом моих мечтаний тогда было, чтобы вовсе разыгравшиеся во мне позывы к рвоте остались всего лишь позывами. И вдруг в памяти всплыла статистическая закономерность: если доклад делает молодая красивая женщина, то и приведенные в докладе данные, и следующие из них выводы с высокой степенью вероятности останутся без внимания. С какой стороны ни глянь, правильным было то, что роль оратора была отведена именно Натаниэлю.

Я пристроила папку на столик, что располагался точнехонько между школьными досками. Одна из них была девственно чиста и манила разложенными внизу разноцветными мелками. Стремясь занять руки, я взяла белый, и прохладный цилиндрик мгновенно впитал пот с моих пальцев.

Натаниэль не торопясь оглядел зал заседаний и, дождавшись воцарения тишины, начал:

– Господа! Падение метеорита привело к тому, что сотни тысяч людей по обе стороны Атлантики остались без крова, а кое-где состязание за уцелевшие там скудные ресурсы привело к панике, массовым грабежам и даже смуте. Несомненно, текущая ситуация – из ряда вон, и мы непрерывно прикладываем максимум усилий для ее разрешения. Но тем не менее своей обязанностью сегодня считаю убедить вас в том, что все вышеизложенное – лишь вершина айсберга, и перед нами, к сожалению, стоит гораздо более насущная, более значимая и более сложная для разрешения проблема, чем скорейшее восстановление порушенной Метеоритом страны.

Вслушиваясь в певучий, уверенный голос мужа, я в очередной раз убедилась, что он вовсе не случайно после запуска спутников стал знаменитостью.

– Многие, что вполне естественно, опасаются падения второго метеорита, и потому-то мы с вами сегодня собрались в безопасности бункера. Но... Но уверяю вас, вероятность повторения мартовской катастрофы астрономически мала, опасность же, таящаяся в представленных вам формулах, не только гораздо значительнее, но и абсолютно бесспорна. – Грустно улыбнувшись, он подошел к исписанной мелом доске. – Ученые десятилетиями пытались выяснить, что же именно стало причиной вымирания динозавров, и вот перед вами наконец-то разумный ответ. Разумеется, я не намереваюсь сейчас углубляться в дебри математических изысканий, приведенных тут, но замечу лишь, что каждая формула, каждый расчет были проверены ведущими геологами, климатологами и математиками.

«Ведущие математики» были представлены лишь мною одной, но выпячивать сей факт я, конечно же, не стала.

Намеренно выдерживая драматическую паузу, Натаниэль принялся неторопливо обводить взглядом комнату. Его щеки золотил свет от ложного окна, будто припудривая недавно обретенные неглубокие шрамы. Синяки на его теле уже сошли, а если бы и не сошли, то оказались бы скрытыми под темно-серым костюмом. В общем, муж мой выглядел величавым и уверенным в себе.

Видимо, решив, что молчание затянулось, он постучал по доске костяшками пальцев.

– Проблема в том, господа, что на нашей планете потеплеет. Поднятая Метеоритом пыль скоро осядет, и тогда мы столкнемся с нашей истинной проблемой, поскольку созданный его падением в изобилии водяной пар по большей части все еще останется в атмосфере. Как известно, пар отражает инфракрасное излучение, и, следовательно, дополнительный пар уменьшит естественный отток тепла с нашей планеты в космос, из чего следует, что температура повысится, и, значит, усилится испарение с поверхности Мирового океана. Усиленное испарение увеличит концентрацию водяного пара в воздухе, что в свою очередь еще более разогреет Землю. В общем, запустится механизм положительной обратной связи, который в конце концов сделает нашу планету совершенно непригодной для жизни людей.

Сидевший с правой стороны стола пухлый мужчина с землистым лицом, фыркнув, заметил:

– То-то сегодня в Лос-Анджелесе снегопад.

– Ничего удивительного, – Натаниэль кивнул. – Лос-анджелесский снегопад напрямую связан с Метеоритом. Дым и пыль в атмосфере основательно охладили Землю, и, вероятно, урожай текущего года погибнет. И не только в США, но и почти по всему миру. Да и в грядущие несколько лет температура на планете будет значительно ниже нормы.

Президент Бреннан сначала поднял руку, а лишь затем задал вопрос:

– На сколько упадет температура?

Натаниэль полуобернулся в мою сторону.

– Элма?

Я едва удержала содержимое желудка от путешествия по пищеводу вверх. Лихорадочно перебрал записи в папке, наконец выудила искомую и отрапортовала:

– От тридцати пяти до пятидесяти градусов.

Из дальнего конца комнаты донесся чей-то голос:

– Ничего толком не слышно. Повторите, пожалуйста!

Сглотнув комок, я оторвала взгляд от листка. Убедила себя, что громко и четко ответить на вопрос не сложнее, чем перекричать работающий самолетный двигатель. И отчеканила чуть ли не по слогам:

– От тридцати пяти до пятидесяти градусов по шкале Цельсия.

– Такое совершенно невозможно!

Этого говорящего я узрела – то был сложивший на груди руки мужчина.

Черт, черт, черт! Неужели не понятно, что не о похолодании следует беспокоиться! Значительное падение температуры, конечно же, явление весьма неприятное, но оно краткосрочное. А вот то, что будет дальше...

– Я имею в виду лишь ближайшие несколько месяцев. За ними последуют три или четыре года, средняя температура которых окажется ниже среднестатистической на одну целую две десятых градуса, а затем температура начнет расти.

– Ниже на одну целых и две десятых? Надо же. И из-за них такой сыр-бор?

За меня вступился сам президент Бреннан:

– Падение среднегодовой температуры даже на один градус серьезно потрясет сельское хозяйство. Аграрный сезон потеряет от десяти до тридцати дней, так что придется убеждать фермеров сеять другие культуры и в другое время, что будет, несомненно, непросто.

Неудивительно, что бывший министр сельского хозяйства с лету ухватил, какие неприятности сулит изменение климата. И все же он беспокоился о второстепенном. Верно – нам предстоит пережить малый ледниковый период, но никто из собравшихся здесь пока толком не осознал истинных масштабов более отдаленного во времени скачка температуры в противоположном направлении.

– Выдадим фермерам субсидии, – подал голос мужчина с дальнего края стола, вроде бы тот же самый, кто просил меня говорить громче. – Субсидии стимулировали фермеров сменить посевные культуры во время Великой депрессии, так сработают и сейчас.

– Где ж деньги на субсидии возьмем, если каждый доллар пойдет на восстановление страны из руин?

Политики принялись самозабвенно спорить о бюджете, а ко мне подошел Натаниэль и тихонько попросил:

– Нарисуешь график изменения температуры?

Я кивнула и повернулась лицом к девственно чистой доске, мысленно благодаря мужа за возможность сделать хоть что-то осязаемое.

Мел скользил по черной поверхности, порождая на свет облачка белой пыли. На тот случай, если я собоюсь, на столе рядом лежала папка с заметками, но она, конечно же, не понадобилась, поскольку я столько раз рассматривала график в предыдущие недели, что он оказался словно выгравированным на внутренней стороне моих век.

Первые несколько лет холоднее обычного, потом возврат к «норме», а потом... Потом кривая, символизирующая температуру, пошла в рост – поначалу полого, а затем, достигнув точки перелома, стремительно, почти вертикально рванула вверх.

Я закончила, и муж мой вернулся к торцу стола и застыл, сцепив руки в замок. Разговоры за столом мало-помалу стихли.

Натаниэль начал издали:

– В 1824 году Жан-Батист Фурье описал феномен, который Александр Белл позже окрестит «парниковым эффектом». Суть его в том, что из-за частиц в воздухе атмосфера удерживает тепло. Упав Метеорит на сушу, зима была бы длиннее, а разрушения – сильнее. Мы все считали себя везунчиками, потому что местом падения послужил океан, но, как теперь выяснилось, хуже случиться и не могло. Земля переживет зиму и начнет нагреваться. Через пятьдесят лет в Северной Америке не останется снега.

Тот самый Пухляк, что жаловался на снегопад в Калифорнии, рассмеялся:

– Скажу вам откровенно, как выходец из Чикаго: прогноз ваш меня только радует.

– Что скажете о стопроцентной влажности круглый год и летних температурах не ниже пятидесяти по Цельсию?

– Знаете, я прогнозам погоды не верю. Даже утверждение, что завтра случится дождь, как показывает мой собственный опыт, истинным на все сто до завтрашнего вечера считать не стоит. А уж какой выдастся погода через пятьдесят лет, разве же кому ведомо? Пятьдесят лет – срок, согласитесь, весьма немалый.

Руку снова поднял президент Бреннан. Поднял, пристально глядя на меня. Нет, не на меня. На доску.

Я отошла от доски в сторону.

– Доктор Йорк, чем объясняется резкий скачок на графике?

– Резкий подъем, господин президент, начинается в точке кипения воды в океанах.

Вдруг воцарилась тишина. Абсолютная тишина. Настолько абсолютная, какая получилась бы, если бы из комнаты весь воздух в себя всосал невесть откуда взявшийся тут реактивный двигатель.

Но абсолютной тишина была недолго – ее нарушил кто-то, прошептав:

– Вы шутите. Быть же такого не...

Президент Бреннан ударил ладонью по столу.

– Очень надеюсь, господа, что каждый из вас согласится с моим утверждением, что мне о нашей планете и о том, как она функционирует, кое-что да известно. Довожу до вашего сведения, что с докладом доктора Йорка я подробно ознакомился ранее и поставленную там проблему счел максимально в данное время значимой, после чего и пригласил вас на сегодняшнее совещание. Итак, господа, мы собрались здесь вовсе не для того, чтобы оспаривать доклад ученых и вытекающие из него выводы. Мы собрались здесь лишь ради того, чтобы решить, что нам теперь делать.

Хвала Господу! Свершилось!

Бреннан всего лишь исполнял обязанности президента, но все же... Все же, пока его, хотя и не факт, не отстранит Парламент, которого нет и который появится только после выборов, которые провести в обозримом будущем никак не возможно, ему принадлежала вся полнота президентской власти, и он, хвала Господу, оказался здравомыслящим человеком!

Обведя взглядом комнату, он обернулся к месье Шерзингеру:

– Возьмете слово?

– Разумеется. – Ооновец сделал несколько шагов и встал рядом с Натаниэлем. – Господа. Миссис Йорк. У нас в Швейцарии говорят: «*Ne pas mettre tous ses œufs dans le même panier*», и, кажется, в вашем языке существует идентичная пословица, и она гласит: «Не клади все яйца в одну корзину». Организация Объединенных Наций считает, что ограничиваться только борьбой с негативными последствиями падения Метеорита для Земли нельзя, и нам также следует обратить свой взор за пределы нашей планеты. Господа, пришло самое время для колонизации космоса.

Часть вторая

10

*ООН ПРИЗВАЛА ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ УКРАИНЕ
Специально для «Нэшнл Таймс» РИМ, Италия, 20 февраля 1956 г.*

Стало совершенно очевидно, что Украине после катастрофических неурожаев, явившихся следствием невероятно суровых зим, вызванных воздействием Метеорита, угрожает массовый голод, и оттого Организация Объединенных Наций сегодня призвала правительства всех стран, входящих в ее состав, немедленно рассмотреть вопрос, какую именно помощь они способны в ближайшее время оказать этой некогда являвшейся частью Советского Союза республике. Кроме того, ООН поручила своему генеральному директору департамента продовольствия и сельского хозяйства, будь на то и впредь соответствующие просьбы украинского правительства, оказывать этой стране всю необходимую техническую или иную помощь в рамках его полномочий и компетенции.

Помните ли вы, где находились, когда в космос отправился первый человек?

Я, конечно же, помню, поскольку была одной из двух девушек-вычислителей, сидевших в «Темной Комнате» Международной Аэрокосмической Коалиции, что располагалась в Центре управления полетами «Подсолнух» в штате Канзас. Вооружена я тогда была лишь миллиметровой бумагой да набором карандашей. Раньше все запуски производились из Флориды, но то было до падения Метеорита и до того, как НАКА стала частью МАК, а у «Подсолнуха» уже была, пусть и времен войны, пусть какая-никакая, но все ж установка для запуска ракет, и потому, несомненно, имело смысл поскорее перебраться туда, в глубь страны, подальше от разрушенного побережья.

В трех милях от «Темной Комнаты» на стартовой площадке в небо был нацелен плод нашего неустанного труда – ракета «Юпитер», в крошечном отсеке которой к креслу был пристегнут Стетсон Паркер, а под ним располагались сто тринадцать тонн топлива.

Был он вроде бы само очарование, да только очарованием он был лишь тогда, когда того сам желал, хотя, признаю, пилотом он все же был первоклассным. Если мы все ж не облажались и не облажаемся в ближайшее время, он станет первым человеком в космосе, ну а в противном случае он скоро станет мертвецом. Признаюсь, что из семи астронавтов проекта «Артемиды»⁸ он был мне наименее симпатичен, но тем не менее я от всего сердца желала ему успеха.

Комнату мягким светом освещали ряды приборных панелей вокруг, а звукопоглощающая обшивка на стенах вполне успешно приглушала голоса ста двадцати трех инженеров и техников, что заполняли комнату. Воздух, казалось, потрескивает от электричества. Мужчины неустанно расхаживали из угла в угол.

Будучи ведущим инженером данного проекта, бедняжка Натаниэль застрял в Новом Белом доме. Там он ожидал результата запуска вместе с президентом Бреннаном, а затем им обоим предстояло общение с прессой, и у них наперед было заготовлено по две речи. Вторые – так, на всякий случай.

⁸ Авторская аллюзия на американский космический проект «Аполлон».

Ожидание затянулось. Меж тем за маленьким столиком с подсветкой напротив меня Хуэйлан «Хелен» Лю играла в шахматы с Рейнардом Кармушем – одним из французских инженеров. Хелен, как и я, была вычислительницей, а к Международной Аэрокосмической Коалиции присоединилась в составе тайваньского контингента. Поговаривали, что в своем родном регионе она была чемпионкой по шахматам, чего, похоже, мистер Кармуш пока еще не знал.

Ее задачей было сразу после взлета извлекать листы с числами из телетайпа и после первичной обработки передавать листы мне. Мне же, в свою очередь, следовало выполнять все дальнейшие вычисления, а затем, дай бог, удалось бы и подтвердить, что заданные параметры выхода на орбиту достигнуты. Ни ей, ни мне спать не довелось уже часов шестнадцать кряду, но я бы сейчас и не уснула.

С небольшой приподнятой над полом платформы в конце комнаты руководитель запуска сообщил:

– Полная готовность к запуску.

Гул голосов немедля смолк, я же выдохнула.

Процедура была уже неплохо мне знакома, но сегодняшний запуск был особенным. Сегодняшний пугал, поскольку, независимо от того, сколько объектов мы уже зашвырнули в космос, сегодняшний был первым, от успеха которого напрямую зависела человеческая жизнь, и невольно вспоминались взрывы ракет на площадке или сразу после старта и та обезьяна, что побывала в космосе, да только на Землю была возвращена мертвой.

Признаюсь, Паркер мне не особо нравился, но, клянусь богом, истинным храбрецом он все-таки был.

Руководитель всей миссии отчетливо проговорил:

– Вас понял, команда запуска. Подтверждаю готовность.

Хелен немедля отвернулась от шахматной доски и перекатила свое офисное кресло ближе к телетайпу, я же расправила лежащий передо мной на столе лист миллиметровки.

– Начинаю обратный десятисекундный отсчет. У нас десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... зажигание.

– Зажигание подтверждаю, – послышался из динамиков одновременно с раздавшимся воем ракетных двигателей голос Паркера.

– ...два... один... и СТАРТ! У нас – взлет.

Мгновение спустя на комнату волной обрушился громоподобный рев такой силы, что в моей груди завибрировало, хоть находилась я от точки старта на расстоянии добрых трех миль, да еще и в бетонном бункере, все звуки в котором активно поглощали стены.

Меня прошиб пот. Единственное, что звучало в моей жизни громче, – так это удар Метеорита. Очевидно, что, окажись вы в непосредственной близости от той взлетающей ракеты, звуковые волны буквально разорвали бы вас на части.

– Подтвердите взлет. Отсчет времени после старта пошел.

Я взяла карандаш и занесла его над листом бумаги.

– На связи – Геркулес Семь. Топливо поступает штатно. Ускорение одна и две десятых джи. Давление в кабине – четырнадцать фунтов на квадратный дюйм⁹. Кислород в норме.

Ракета, набирая скорость, взмыла вверх, и неистовый рев ее двигателей стал мало-помалу стихать, и тут ожил телетайп, принимающий информацию со станций слежения по всему миру. Хелен принялась обводить красным карандашом для меня наиболее значимые данные. Она оторвала первый листок бумаги и пододвинула его через стол ко мне, и я немедленно погрузилась в расчеты.

Необработанные данные сообщали лишь о расположении корабля в конкретные моменты времени относительно той или иной станции слежения, координатами которых на поверхности

⁹ Соответствует приблизительно 724 мм рт. ст.

Земли я, конечно же, располагала. Моя работа заключалась в том, чтобы, сопоставляя полученные мною данные, определять текущую скорость и траекторию полета ракеты.

Передо мной мысленно виделся ее плавный, полностью соответствующий запланированному взлет, а для стоящих позади я наглядно изобразила его на листе миллиметровой бумаги.

– Наблюдаются вибрации. Небо заметно темнеет.

Несомненно, Паркер уже выходил за пределы атмосферы.

Хелен вручала мне лист за листом, и дуга, которую я вычерчивала на миллиметровке, шла все вверх и вверх, не выходя при этом за рассчитанные прежде пределы.

Рев ракеты окончательно стих, ненадолго оставив после себя жутковатую тишину, а затем пространство вокруг заполнило бормотание инженеров.

– Секция слежения за полетом. Ваш отчет.

Я протянула Хелен листок с цифрами, и та принялась читать с него:

– Скорость – 2350 метров в секунду. Угол возвышения – четыре минуты дуги. Высота – 101,98 километра.

Ее прежде едва различимый тайваньский акцент прозвучал сейчас вполне явственно, что, несомненно, свидетельствовало о ее чрезвычайном волнении.

Юджин Линдхольм повторил услышанное в микрофон передатчика.

Паркер немедленно сообщил:

– Вас понял. Теперь у меня на душе полегчало.

Телетайп непрерывно дребезжал, и Хелен придвигала ко мне страницу за страницей, я же, зажав нижнюю губу зубами, водила по строчкам карандашом.

«6420 метров в секунду. Отключение двигателя первой ступени должно произойти в ближайшее время».

Из радио послышалось:

– Двигатель отключился.

– Подтвердите отделение первой ступени.

– Вижу, как падает ускоритель.

Я устремила свой взгляд на настенные часы, считая вместе со всеми, кто находился сейчас в ЦУП, секунды, ибо всего лишь через полминуты после отделения первой ступени вторая, кратковременно дав ракете дополнительное ускорение, тоже должна будет отделиться.

– Вторая ушла.

– Подтверждаю сброс второй ступени.

Получив следующую страницу от Хелен, я расплылась в улыбке.

Импульс, разумеется, поднял Паркера выше, и его скорость оказалась 8260 метров в секунду.

То была истинно орбитальная скорость!

Но все равно, демонстрируя свою работу, я произвела на странице расчеты.

– Перископ выходит. Поворот начался.

– Подтверждаю поворот.

Позади меня мистер Кармуш спросил:

– Почему вы улыбаетесь?

Я покачала головой и нарисовала еще одну точку на графике, на высоте 280 километров над поверхностью Земли. Запуск Паркера в космос был первым шагом. Достижение заданной программой орбиты требовало изменения траектории космического корабля, и теперь успех всей миссии зависел только от находящегося в нем пилота.

– Перехожу на ручное управление. – Паркер оставил канал связи открытым, и в динамике продолжалось потрескивание. – Вид такой... Жаль, что вашим глазам он недоступен.

– Сообщение принял. Желаю тоже когда-нибудь насладиться тем же видом, что и вы.

Разве все мы не того же желаем?

Успешный выход на орбиту человека вплотную приблизит нас к созданию орбитальной космической станции, а следующим шагом станет лунная база. А затем будет Марс. И Венера, и остальные части Солнечной системы.

Хелен подала мне очередной лист с телетайпа. Теперь мне пришлось отслеживать положение Паркера по крошечным, но все же фиксируемым задержкам во времени и по изменениям в соответствии с эффектом Доплера частоты его передатчика. Вычисления мною были произведены весьма быстро. Затем, чтобы убедиться, что все верно, я проверила еще раз.

Все верно.

Повернувшись на кресле, я подняла страницу с последними вычислениями над головой и провозгласила:

– Паркер на орбите!

Взрослые мужчины повскакивали со своих мест и принялись кричать, словно дети во время бейсбольного матча. Один парень подбросил в воздух бумаги, и они разлетелись вокруг нас. Кто-то хлопнул меня по плечу, а затем я внезапно почувствовала теплое влажное прикосновение к своей щеке. Я решительно отстранилась. Свирепо глянула на мистера Кармуша, чьи губы в поцелуе коснулись меня. Произнесла:

– Еще предстоит доставить его домой.

Я брезгливо вытерла щеку и положила карандаш на страницу. Через стол Хелен встретилась со мной взглядом и кивнула. Затем протянула мне следующий лист с полученными данными.

* * *

На кровать упал свет из коридора. Я повернулась и увидела в дверном проеме силуэт Натаниэля, пробормотав:

– Я не сплю.

Мои слова были почти правдой.

– Поздравляю, – произнес Натаниэль.

– И я тебя тоже поздравляю, – сказала я.

Он снял пальто и повесил его на крючок у двери.

После того как президент Бреннан перенес столицу в центр страны, цены на жилье в Канзас-Сити взлетели до небес, да и многочисленные беженцы тоже внесли свою лепту в тот рост цен. В итоге даже мы, с нашими весьма приличными госзарплатами, смогли позволить себе лишь студию на окраине. Честно говоря, я даже была рада, что пространства, за которым надлежит следить, было совсем немного.

Я включила настольную лампу и, привстав, облокотилась на спинку кровати. Похвалила мужа:

– На пресс-конференции ты был просто великолепен.

– Под «великолепен» ты имеешь в виду то, что я отвлек идиота-репортера, который считает всю Программу бессмысленной? Если так, то да. Да, я был. – Он пожал плечами, распуская узел галстука. – Но я бы предпочел оказаться сегодня в Центре управления запусками. Слышал по радио твой рассказ в прямом эфире о том, как Паркера подобрали сразу после приводнения. А я-то прежде полагал, что этот парень тебе совершенно не по нраву.

– Откуда знаешь, что говорила именно я?

– Во-первых, припомни, ведь мы женаты уже почитай как пять лет. Ну, а во-вторых... – Он сбросил ботинки. – Ты – одна из двух женщин, принимающих участие в Проекте, а у говорившей напрочь отсутствовал тайваньский акцент.

– Ли ки сы, – произнесла я ругательство, которому меня научила Хелен и которое мне весьма пригodiлось при общении с некоторыми инженерами, да иногда и с другими мужчи-

нами, например, как вот сейчас, пришлось несказанно кстати при разговоре с собственным мужем. – В любом случае миссия прошла успешно, и я на него не зла. Или, по крайней мере, не настолько, чтобы желать ему смерти.

– Хм. – Натаниэль пересек комнату и, наклонившись, поцеловал меня. В его дыхании я явственно уловила запах хорошего скотча. – Лишь только не зла?

Протянув руку, я расстегнула верхнюю пуговицу его воротника.

– Полагаю... – за первой последовала следующая пуговица, обнажив ключицу и верхнюю часть майки, – ...это зависит от того, что именно человек вкладывает в понятие слова «зло».

Натаниэль провел пальцем по вырезу моей ночной рубашки.

– Я рад был бы услышать твое тому определение.

– Ну... – Я добралась до последней пуговицы и вытащила его рубашку из брюк. – Например. Допустим, во время своих общений с высшим руководством страны кто-то узнает что-то такое, что, как истинный муж, должен был бы сообщить своей благоверной, но промолчал. Считать ли это злом?

Рука Натаниэля замерла на бретельке моей ночной рубашки.

– Интересный пример. – Он расстегнул ремень и поцеловал мое обнаженное плечо. – А нельзя ли подробностей?

Я с удовольствием вдохнула мускусный запах его лосьона после бритья и сладковатый привкус дорожной сигары.

– Я говорю о том, что принято решение о расширении корпуса астронавтов.

Уткнувшись лицом в его волосы, я на ощупь отыскала его ремень.

– Предположим, что сообщать о том было бы преждевременно. Предположим, что принятие окончательного решения об увеличении числа астронавтов напрямую зависело от успеха миссии Паркера. Следовало ли, по-твоему, подавать кому-либо преждевременные надежды? И является ли, по-твоему, сокрытие такой информации от близкого человека злом?

– М-м... Надежды мои обретают все более осязаемую форму. – Я расстегнула молнию на его брюках, и руки Натаниэля сжали мои предплечья. – Особенно надежды того, кто был, скажем, во время Второй мировой пилотом? Того, у кого за душой приличное время налетов и кто полностью соответствует всем требованиям по росту и весу?

– О да. – Он прочистил горло, и его горячее дыхание коснулось моей шеи. – Надежды такого вряд ли канут в Лету.

– Твоя забота о моем душевном спокойствии мною понята и даже почти принята. Но... – Я откинулась на кровать. Закинув руки за голову, стянула с себя ночную рубашку. Мои обнаженные груди принялись ласкать ночной прохладный воздух. А также и взгляд моего мужа. – Ты защищаешь меня будто ребенка. А я, по-твоему, ребенок?

– Боже мой. Нет. Конечно же, нет.

Он стянул с себя сорочку и снял нижнюю рубашку, и изгиб его подтянутого живота очертила своим сдержанным светом прикроватная лампа.

Я отбросила ночную рубашку в сторону. Его пристальный взгляд оказался прикован ко мне, а рот – приоткрыт.

– Итак, спрошу я тебя, почему ты не удосужился поговорить со мной как со взрослым человеком?

И я сразу же почти пожалела о своем вопросе. Пожалела лишь почти, поскольку он, стянув с себя одним движением и брюки, и трусы, замер, и я вволю полюбовалась его почти плоским животом и темными волосами внизу.

– Просто понимал, что от наших с тобой разглагольствований ничего не изменится. Программа висела на волоске, и, не удайся запуск, ее бы немедленно свернули. Так какой смысл тебе было с моей подачи вникать во все сопутствующие ей перипетии? – Натаниэль полностью

стянул с себя брюки. – Ты видишь на улицах снег? Люди его видят постоянно и оттого полагают, что потепление в ближайшее время не наступит. Так что...

Я потянулась к нему всем телом, и Натаниэль скользнул между моих ног. Толкнул меня назад, на кровать. Прижался ко мне всем своим телом. Во всю свою длину. Обернув одно бедро вокруг его ноги, я прижалась к нему, и его глаза, да и мои тоже, закрылись.

– Потепление определенно приближается.

– Несомненно.

Он всем телом слегка переместился, и его пальцы нашли яркий сгусток наслаждения между моих ног и...

И оказалось, что весь наш мир еще немного подождет и никуда при этом не денется.

– О... О боже. Мы готовы к запуску.

11

МАК ФОРСИРУЕТ РАКЕТНУЮ ПРОГРАММУ КАНЗАС-СИТИ, штат Канзас, 3 марта 1956 года

Международная аэрокосмическая коалиция планирует в ближайшие три года запустить от 75 до 105 ракет крупного тоннажа, рассчитывая тем самым к 1960 году создать колонию на Луне.

– Помните ли вы, где были, когда упал метеорит? – Наш раввин оглядел собравшихся. Не знаю, у кого как, но мои глаза мгновенно обожгли слезы.

Конечно же, я помнила.

Позади меня носом шмыгнула незнакомая женщина.

Где она была четыре года назад, 3 марта 1952 года? Была ли в постели со своим мужем? Готовила ли завтрак для своих детей? Или оказалась одной из тех миллионов, кто о катастрофе услышал несколько позже?

– Я вот – рассказывал недавно обрученной молодой паре о тех радостях, которые им предстоят после вступления в брак. В дверь постучала моя секретарша, чего прежде она в подобные минуты никогда не делала. Она открыла дверь и разрыдалась. Вы все знаете миссис Шваб. Вы когда-нибудь видели ее без улыбки? «Радио», – сказала она тогда.

Рабби Нойбергер пожал плечами и каким-то образом передал все последовавшее затем горе.

– Я всегда буду думать об этом моменте, как о пороге между «до» и «после». – Он поднял палец. – Если бы той молодой пары не было в моем кабинете, я бы, несомненно, тут же предался горю. Но они спросили меня, должно ли им теперь все еще вступать в брак. Теперь, когда, казалось, наступает конец света. Тем не менее должно ли им?

Рабби чуть склонился вперед, и в напряженной тишине, возникшей вокруг нас, стало слышно затаенное дыхание каждого оказавшегося в синагоге человека.

– Да. Брак тоже является порогом между «до» и «после». В брак люди вступают каждый день, и всегда будет для них что-то «до» и что-то будет «после». Вопрос не в пороге. Вопрос в том, что будет после того, как вы этот порог переступите.

Я провела пальцем под правым глазом, и тот, большой палец перчатки, надетой на мою руку, потемнел от туши.

– А далее вы живете. Вы помните. И так всегда делал наш народ.

За пределами синагоги по всему городу зазвонили колокола. Возможно, по всей стране, а может быть, и по всей планете. На часы мне смотреть не пришлось.

Было, разумеется, 9:53 утра.

Я закрыла глаза и даже с закрытыми глазами, даже четыре года спустя, все же увидела свет. Да. Я помнила, где была, когда упал Метеорит.

* * *

Я сидела в кафетерии Международной Аэрокосмической Коалиции, и передо мной на тарелке находился кусок отменного морковного пирога, приготовленный работающим здесь кондитером-французом. За столом со мной сидели Хелен, Басира и Миртл. Когда мы жили с Миртл, я и понятия не имела, что она во время войны была вычислительницей, и узнала об этом лишь после того, как та два года назад подписала контракт с МАК.

Приехавшая к нам из Алжира Басира скорчила презрительную гримасу.

– И тогда-то он и принялся растолковывать мне, как нужно логарифмической линейкой пользоваться!

– Что, для решения дифференциальных уравнений? – Миртл, единственная, кроме меня, американка в нашей группе, прикрыла рот рукой и засмеялась, от чего щеки ее тут же покраснели. – Вот же шут гороховый!

– Именно! – Басира изобразила ужасный американский акцент: – Ито, малинко леди, очь хороше инструмет.

Хелен зажала рот руками и захихикала, как истинная тайваньская баныши, в существовании которых я вообще-то сомневалась.

– Покажи им, как он ту линейку тогда держал!

Фыркнув, Басира оглядела кафетерий, а тот в конце дневной смены оказался практически пуст.

Я опустила вилку, делая предположение, и оно, ага, оказалось совершенно верным.

Басира положила руку на колени, как будто логарифмическая линейка была... ну, вы сами понимаете, чем. И была к тому же готова к взлету.

– Ъй показат тыбе, как ито исполдываются.

Я представила себе Лероя Пакетта: на лице – тонкие бакенбарды, а на груди – непременно кричащей расцветки галстук. Представила, как он пытается подкатить к Басире. К статной высокой темноволосой Басире. К смуглой, с гладкой кожей лица Басире. К Басире, которая играючи стала «Мисс космос» на праздничном корпоративе прошлой зимой. К Басире, имитирующей голоса и акценты так, что, слушая ее, можно было запросто со смеху надорваться.

И я немедленно рассмеялась.

Общество этих женщин для меня было новообретенной радостью. Когда я работала в вычислительном отделе НАКА, то сотрудников-мужчин там не наблюдалось вовсе, да только в округе Колумбия непреложно действовали законы о сегрегации, и оттого все работавшие в отделе женщины были только белыми, и если бы мне тогда сказали, что четырьмя годами позже я окажусь лишь одной из двух белых женщин в новой, куда более многочисленной группе вычислительниц, а те станут моими самыми близкими подругами, я бы от души над тем посмеялась, но теперь же, после появления Международной Аэрокосмической Коалиции, сформировать которую ООН убедил президент Бреннан, мир виделся мне уже совершенно иным, а прежние мои убеждения вызывали лишь стыд.

Хелен вытерла глаза и, посмотрев мне через плечо, произнесла:

– Здравствуйте, доктор Йорк.

– Добрый вечер, дамы. – Мой муж на мгновение положил руку мне на плечо, избегнув публичного поцелуя. – Над чем сейчас смеетесь?

– Над логарифмическими линейками. – Хелен в притворной скромности сложила руки на коленях. – И над возможностями их использования.

Мы опять прыснули, а бедняге Натаниэлю оставалось лишь улыбаться, ничего не понимая.

Вытирая глаза и все еще посмеиваясь, я отодвинула назад кресло. Уже думая о том, что мне, пользуясь своим исключительным положением, необходимо будет поговорить со своим мужем, ведущим инженером проекта, об отношении Лероя Пакетта к женщинам, встала и заявила:

– Похоже, меня действительно вызывают к домашнему очагу.

– Уйдешь и даже кусочка торта не попробуешь? – удивилась Миртл.

– Все лучшее – вам.

Натаниэль взял мое пальто со спинки офисного кресла и помог мне в него облачиться.

Нынешний июль выдался почти теплым, но лето уже угасало, и пальто, к сожалению, оказывалось не лишним.

Я помахала на прощание коллегам:

– Увидимся завтра.

Через кафетерий за нами последовали взрывы хохота, а затем и нестройный хор голосов, желающий нам самого доброго пути.

Натаниэль взял меня за руку.

– Ты, кажется, сегодня в отличном настроении.

– Ну, свое дело, похоже, сделал торт. Да еще и преподнесенная тобою вчера роза.

– Рад, что угодил тебе. – Он взмахом руки поприветствовал своего коллегу-инженера, идущего по коридору нам навстречу. – Сегодня узнал кое-что, что еще больше, как я надеюсь, тебя обрадует.

– Вот как? – Я остановилась у двери, позволяя ему распахнуть ее перед собой. – Расскажешь подробнее?

Мы вышли из главного корпуса МАК. Автостоянку перед нами пронизывало вечернее солнце, но прогнать прохладу ему было не по силам. Я, поплотнее запахнув пальто, взяла Натаниэля под руку, и мы двинулись дальше.

Вскоре мы миновали проходную и оказались снаружи, оставив за спиной высоченную ограду, что окружала комплекс зданий МАК, и к нам немедленно устремились надеющиеся хоть мельком увидеть одного из астронавтов дети с уже раскрытыми книжками для автографов. Они, разумеется, опознали в Натаниэле главного инженера космической Программы и окружили его, я же, отпустив его руку, отступила в сторону. Слава богу, жена кумира для них интереса не представляла.

После того как муж мой освободился от цепкого внимания детей – энтузиастов ракетостроения, мы молча прошагали целый квартал в направлении автобусной остановки, и лишь тогда он вернулся к своим новостям:

– Ну... – Он оглянулся. – Гостайны в том нет, и окончательный список астронавтов вскоре будет представлен публике, но все же...

– Я не заикнусь о нем ни словом до его официального опубликования, – заверила мужа я. – Ну говори же. Говори!

Я, конечно же, надеялась попасть в группу первых. Разумеется, с моими данными и зарегистрированными часами налетов такое казалось вполне возможным. Ну если уж не в число отобранных для первых полетов, то, уж по крайней мере, в группу дублеров.

– Директор Клемонс не выбрал ни единой женщины. Вообще ни одной.

Остановившись как вкопанная, я уставилась на него. Глава МАК, директор Норман Клемонс – человек, с которым я работала в течение многих лет и которого безмерно уважала, – не выбрал на роль астронавта ни единой женщины?

Мой рот помимо моей воли принялся открываться и закрываться, и передо мной заклоунилось мое же собственное дыхание.

– С чего ты взял, что, услышав такое, я почувствую себя лучше? – наконец выдавила я.

– Ну... Ну теперь ты знаешь, что дело вовсе не в тебе и не твоих способностях. Отказано всем женщинам без исключения. Верно?

– Но в требованиях не было ни слова о том, что астронавтами станут только мужчины.

Натаниэль кивнул.

– Клемонс сказал, что, по его мнению, это очевидно. Из-за опасностей.

– Боже мой. Я скрепя сердце приняла бы этот образец патриархальной глупости, если бы речь шла только об испытательных полетах, но мы намерены в дальнейшем основать колонии. Так как же именно разлюбезный Клемонс, по твоему мнению, создаст колонии без женщин?

– Я полагаю...

Он заколебался и, прищурившись от встречного ветра, посмотрел вдоль улицы. Были случаи, когда Натаниэль действительно не имел права рассказать мне о чем-то, что было жутко

засекречено, и тогда выглядел он так, будто его одолевает запор. Прямо сейчас, похоже, запор у него выдался просто грандиозным.

– Что?

Он облизнул губы и переступил с ноги на ногу.

– Был некоторый... В общем, было озвучено некое беспокойство по поводу стрессов в космосе.

– Стрессы, говоришь? Так женщины, скажу я тебе, справляются с перегрузками гораздо лучше мужчин. «ОСы» установили во время войны, что... – Я замолчала, внезапно разглядев, что он, будто сдерживая рвущиеся из него слова, до синевы сжал губы. – Ты издеваешься надо мной. Всерьез полагаешь, что мы заистерим в космосе?

Натаниэль покачал головой и, указав кивком подбородка на автобусную остановку, смущенно спросил:

– Может, сходим с тобой сегодня на танцы?

Стиснув зубы, я засунула руки в карманы пальто и поинтересовалась у него:

– А чего тянуть-то? Давай-ка спляшем на потеху публике прямо здесь и сейчас.

Если бы мне пришлось еще вчера, да даже и несколькими минутами ранее ставить деньги на то, кто станет возражать против пригодности женщин для космических полетов, то я бы выбрала лишь одного мужчину – Стетсона Паркера. Теперь же мне стало очевидно, что относительно умственных способностей большинства представителей противоположного пола я прежде глубоко заблуждалась.

* * *

Признаю, Натаниэль оказался прав, и грустно мне после его известия не стало. Вместо грусти вопреки всем его стараниям во мне поселился гнев, и даже к выходным гнев во мне ничуть не утих.

Очевидно, что Натаниэлю изначально было невдомек, что если бы я, стараясь изо всех сил, все же потерпела неудачу, то просто бы признала ее и постаралась в следующий раз проявить себя лучше. Обид ни на кого бы не держала.

Но теперь... Теперь все женщины были объявлены непригодными для полетов в космос!

Знай я это наперед!..

И что бы я сделала?

* * *

Если вы до сих пор не поняли, то поясню, что я не особо справляюсь с собственной «беспомощностью».

Поэтому-то я и направилась на частный аэродром, где, согласно регламенту, нынешним утром и собралось все наше местное отделение летного клуба «Девяносто Девять». Клуба, названного в честь того самого первого в Соединенных Штатах, который некогда и был основан девяносто девятью женщинами-пилотами, а теперь же нас были тысячи и тысячи в одноименных клубах по всей стране, и держу пари, что у большинства из нас были такие же, непомерные, на взгляд большинства мужчин, амбиции.

Первым правилом летного клуба было «безопасность – прежде всего», а следующим: «для суетного – Земля, а самолеты – для планирования», что в переводе на язык посторонних значило, что разговоры в воздухе среди нас на землю не опускаются.

Оттого-то и я начала свой разговор по существу на земле. Разумеется, желая в ближайшем будущем породить сплетни.

Я оглядела женщин вокруг себя.

– Кто из вас подавал заявление в корпус астронавтов? – спросила я их.

Руки подняли все. Вернее, почти все. Не подняли руку лишь Перл, которая была все еще весьма пухленькой после недавнего рождения тройни, да Хелен, у которой еще не было лицензии и которую я посадила за штурвал на вечеринке Четвертого июля в прошлом году, а ее отец меня за это все еще не простил.

Сегодня была очередь Бетти принести, согласно традиции, перекус для всех перед полетом, и она разродилась печеньем с лимоном и сахарной свеклой. Выпечка ей удалась на славу – терпкая, хрустящая, сладкая и восхитительно вкусная. Она поставила тарелку со своими искусами на грубый деревянный стол для пикника в углу ангара. Ее красные, как у кинозвезды, губы скривились в отрепетированной заранее гримасе, и она предположила:

– Я, очевидно, не прошла.

Я схватила с тарелки ярко-розовое печенье. Сообщила всем:

– Никто из нас не прошел.

Все разом обратили на меня взоры, и выражения их лиц варьировались от удивления до подозрения.

Перл, сморщив свой дерзкий маленький носик, спросила:

– Откуда знаешь?

– Да просто знаю. – Я разломила печенье пополам. – Не взяли ни единой женщины.

Немедля послышалось:

– Почему?

– На каком основании?

Бетти фыркнула и, схватившись за свою роскошную грудь, предположила:

– Очевидно же, что такие штуки мешают управлению ракетой.

– Говори только за себя. – Хелен провела руками по своему летному костюму, который подчеркивал ее и без того мальчишескую фигуру.

– А серьезно, – раздался вдруг чей-то удивленный голос. – Я же полагала, грядет основание колонии. Почему в Программу не берут женщин?

Кивнув, я сообщила лишь то, что, по мнению Натаниэля, сообщить было дозволено:

– Официальное оглашение списка будет сделано на пресс-конференции дней через семь.

Немедленно оживилась Бетти. Вытащив свой репортерский блокнот из сумки, спросила:

– Хотелось бы поподробнее.

Я прочистила горло и без зазрения совести заявила:

– Подробностей сама не знаю. Очевидно, на пресс-конференцию будут приглашены репортеры из крупнейших газет, и тогда-то все и...

– Да чтоб вас!.. – Бетти впиалась взглядом в собственный блокнот. – Очевидно, место, как всегда, отдадут именно ему. Харту. Ему вечно из первых рук скармливают все первоклассные международные материалы. Клянусь богом, если мне опять придется освещать очередной садовый клуб, то я...

– То ты, как всегда, сделаешь о том отменный репортаж и будешь благодарна гонорару, что за него получишь. – Перл покрутила в руках перчатки.

Бетти тяжело вздохнула. Затем произнесла:

– Могла бы хоть немного подождать и лишь затем возвращать меня в реальность.

– Дело в том... – вмешалась в их диспут я и, указывая зажатой в руке печеньем на Бетти, спросила: – Как думаете, заметит ли кто-нибудь из присутствующих на пресс-конференции то, что в списке астронавтов – только мужчины?

Бетти прищурила глаза, и я почти явственно узрела, как она прокручивает в голове то, что намеревается использовать в предстоящей беседе со своим редактором.

– Могу ли я использовать услышанное от тебя сейчас в своей статье, упомянув лишь, что источником информации послужил сотрудник МАК? Не упоминая, конечно же, твоего имени.

– Я... Я не хочу, чтобы... Гм... Не хочу, чтобы исходный источник информации попал в беду.

Бетти выдернула кусочек печенья у меня из пальцев.

– Если ты так плохо думаешь о моем...

Я выхватила принадлежащую мне по праву печеньюшку из ее руки. Полетели крошки. Смеясь, я отправила печенье в рот.

– Просто намерена убедиться, что исходные параметры ясны однозначно.

– Параметры подтверждены. – Она схватила свою летную куртку и встала. – Мы сегодня все же летаем?

– Безусловно. – Я сунула еще одно печенье в карман своей летной куртки и взглянула на Хелен. – Полетишь со мной или с кем-нибудь еще?

– Грех было бы отказаться от полета с тобой.

Моя маленькая «Сессна 170 Б» вмещала четырех. У Бетти был «Техасец», и для разговора он, очевидно, не особо годился, и оттого мы забрались в кабину моей красавицы. Все приостановили галдеж, а я меж тем произвела предвзлетную процедуру.

Во взлетах есть что-то волшебное. Мне нравится, как инерция толкает тебя назад, вдавливая в спинку кресла, а вибрация струится по ладоням и ступням. Затем внезапно тряска прекращается, а земля стремительно проваливается вниз.

Искренне не понимаю, чем взлет пугает людей. Или, быть может, я не боюсь взлета потому, что мой отец летал в составе Военно-воздушных сил и не раз меня, совсем еще девочкой, брал на борт? Впервые взял, полагаю, когда мне было всего лишь года два. Мне потом рассказывали, что я весь полет смеялась. Ясное дело, я того не помню. Помню лишь, как, став постарше, умоляла отца сделать «бочку».

Большинство детей отцы в надлежащее время учат водить машину, мой же учил меня пилотировать самолет, и, полагаю, усилия его не оказались напрасными.

Мы поднялись в воздух, я немедленно повела нас прочь от аэродрома по ленивой спирали, а спираль я выбрала лишь ради того, чтобы почувствовать сегодняшний воздух. Бетти сидела в кресле второго пилота, а Хелен – в кресле позади нас.

Бетти повернула голову и, перекрикивая шум двигателя, обратилась к нам обеим:

– Считаю, что в силу уже вступили правила летного клуба. Права ли я, полагая, что Луну намереваются превратить в военную базу?

– Черт его знает, – ответила я. – Знаю лишь, что руководители проекта считают женщин слишком эмоциональными для полетов в космос.

Бетти покачала головой, и я была почти уверена, что она выругалась себе под нос, но проговоренное ею едва слышно ругательство оказалось заглушенным шумом мотора.

– Понятно. Очередной собачий бред, и нам необходимо изменить ситуацию.

– Как? – Хелен на своем сиденье наклонилась вперед.

– Попытаюсь представить своему редактору то, что ни одна из женщин без исключения не стала астронавтом, как дискриминацию по половому признаку, но это, разумеется, требует доказательств. – Бетти выразительно посмотрела на меня. – Я сделаю это так, что мои источники информации окажутся до поры до времени неизвестными, а затем... Затем источники станут не важны, поскольку с нашей подачи верный вопрос на пресс-конференции задаст сам Харт.

Я искоса взглянул на нее. Поинтересовалась:

– А какой именно вопрос он задаст?

– К примеру, такой: господин президент, скоро станет общеизвестно, что отряд астронавтов состоит исключительно из мужчин. Так какова вероятность того, что коммунистический

блок, исходя из этого факта, сочтет нашу экспансию в космосе попыткой создать там военный форпост США, а вовсе не гражданскую колонию?

Хелен подняла руку и напомнила нам:

– Я – из Тайваня, а не из США.

Я кивнула, а Бетти принялась перечислять:

– У нас в МАК есть люди из Тайваня, Алжира, Испании, Бразилии, Франции, Германии, Сербии, Гаити, Конго...

Вмешалась Хелен:

– Бельгии, Канады, Дании, Франции, Исландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Соединенного Королевства...

– И США, – подытожила Бетти и покачала головой. – И ни одна из перечисленных стран не является коммунистической.

– Ну, в МАК трудятся граждане многих стран, – удивилась я. – Кто-то – из капиталистических, кто-то – из развивающихся. Так что нам с того? Разве из этого следует, что в состав отряда астронавтов должны быть включены и женщины?

– Нынешний год – год выборов, и противостоять друг другу будут Эйзенхауэр и Бреннан, – уверенно заявила Бетти. – И публичное признание того, что в составе отряда астронавтов – только мужчины, вполне может повлиять на окончательный результат выборов. Да я и вообще готова прямо сейчас биться об заклад, что вопрос о возвращении к «нормальной жизни», в которой женщины снова станут или не станут «домохозяйками», окажется ключевым в предвыборной кампании обоих кандидатов.

По моему телу пробежал холодок.

– Но... Но директор МАК не отчитывается перед американским президентом. Он... – После того как слова слетели с моих губ, я осознала, что сморозила глупость. Ведь хоть МАК, как это широко известно, – международный проект, но все же центр запусков находится на американской земле, и США обладает значительно большим влиянием на Программу, чем даже все, вместе взятые, страны-участники, а то, что директор проекта – британец, так это только для вида. А еще к тому, видела я список астронавтов, и целых три четверти из них были американцами либо британцами. И почти все – белые. – Все пристегнулись?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.